

ЗВЕЗДА СВЕТЛАЯ

Михаил
Бакушкин

МИХАИЛ БАКУШКИН

Звезда светлая и утренняя

Абакан-2001

Художник Александр Прошкин

***Автор выражает горячую благодарность за помощь
в издании этой книги директору Черногорской
угольной компании Г.Н. Шаповаленко
и председателю Хакасского инвестиционного
фонда Н.И. Бедареву***

Бакушкин Михаил Михайлович

Б38 Звезда светлая и утренняя: Рассказы, стихи, баллады, роман в стихах. — Абакан, 2001. - 140 с.

© Бакушкин М., автор, 2001.

© Прошкин А., оформление, 2001.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

рассказ

Свою первую любовь Мишка встретил, как и большинство влюбленных, случайно. Было ему тогда пятнадцать лет. Учился он, как и полагается всем детям в этом возрасте, в школе. Учился он, плохо и не хорошо. Был в меру легкомысленный, в меру серьезный, не бросил ещё "гонять хорька", то есть лазить по ночам в чужие огороды. Любил мечтать, смеяться, играть в футбол, ловить рыбу, путешествовать, особенно на летние каникулы ездить к тетке в гости и пить у неё парное молоко.

Немноголюдная, полуоживленная станция Шира, где жила его тётка, встречала Мишку всегда несуетно и однообразно: пищащими гудками маневровых, резким запахом креозота, который особенно ощутим был в летнее время, редкими пассажирами и желтым, не менявшемся, наверное, с самого своего рождения, цветом вокзала.

Был тогда июль, было утро теплое и безоблачное. Постукивая на стыках колесами, подходил к станции поезд. В одном из вагонов он подвозил юного и беспечного Мишку, который стоял в тамбуре и в открытую дверь наблюдал, как к его вагону медленно подплывали: перрон с немногочисленной публикой; пивные ларьки, возле которых уже толпились мужики; желтый вокзал с полуразрушенным, но тщательно выбеленным уличным туалетом, на углах которого, как первомайские флажки, красовались две аккуратно выведенные красной краской буквы; длинные, потемневшие от времени деревянные склады пакгауза и другие привокзальные строения.

Хватив ноздрями креозотный воздух, Мишка не стал дожидаться, когда совсем остановится поезд, лихо спрыгнул с подножки, обо что-то запнулся и, теряя равновесие, пробежал несколько метров и растянулся на перроне. Затем, озираясь, встал, отряхнулся, поднял отлетевший недалеко портфель и хотел уже было идти, как за спиной вдруг услышал тонкий, с издевкой, смехок. Мишка сразу понял, кому он принадлежит. А принадлежал он, как обычно привыкли выражаться взрослые, прекрасной половине человечества. Мишка не по-

нимал, почему взрослые называют противоположный ему пол прекрасной половиной всего человечества. То ли из жалости к ним, то ли, чтобы угодить, то ли ещё из-за чего? Он за одни бы только писклявые голоса не назвал бы их прекрасной половиной. Ему казалось, что голоса девчонок все на один лад - ехидные и плаксивые, когда бы он их ни слышал: или на уроках, или в жалобах на него. Словом, все девчонки - ябеды.

Мишка, ещё не оборачиваясь, уже чувствовал на своём затылке взгляд хохотуньи и представлял, до какой степени должна быть ехидной эта улыбка. Он хотел, не связываясь, уйти, но любопытство и досада взяли верх. Мишка, полуобернувшись, кинул косой взгляд на девушку и тут же отвернулся. Затем посмотрел ещё раз, уже дольше и пристальнее. Девушка, хохотнув, съязвила:

- Что, артист, ноги не держат?

Мишке не понравилась такая шутка, к тому же он не любил слово "артист". В школе учителя, когда нашкодишь, говорят "ну, артист", дома мать, когда наказывает, тоже пользуется этим словом. И эта "сопля" туда же. Мишка не стерпел и дал бой.

- Заткнись, ехида!

Девушка оскорблённо хмыкнула.

- Хам. Откуда ты взялся такой прыткий?

Она была старше его года на два и разговаривала уже, как взрослая.

Мишка, не зная, как ответить ей на слово "хам", огрызнулся:

- Ст верблюда.

- Сно и видно, - от удачного ответа девушка хихикнула и победоносно стала разглядывать незнакомого мальчишку.

Не зная, что ответить девушке, Мишка смутился, опустил голову и украдкой исподлобья стал рассматривать своего противника. Она была как дюймовочка: худенькая и миниатюрная. В синем коротковатом платье, в модных на каблучках босоножках. Её чистая и опрятная внешность приковывала всё Мишкино внимание. Он стоял и смотрел на неё, невольно испытывая странное, знакомое ещё любопытство. Воровски покосившись на стройные, удивительно ровные ноги ещё недавно бывшей ехидны, теперь ставшей в один миг для него первой красавицей, Мишка поднял глаза и встретился с глазами девушки - чёрными и весёлыми. Они смеялись.

- Что мотришь? - игриво нарушила она молчание. - Влюбился?

Мишка, как провинившийся школьник перед учителем, виновато потупился. Видя его смущение, девушка дружелюбно и серьёзно добавила:

- Ты откуда приехал?
- Из Абака-а-на, - не отойдя от волнения и не глядя на девушку, все ещё с обидой в голосе протянул Мишка.

- Из Абакана? А к кому?

- К тётке.

- А где твоя тётка живет? Если не секрет, конечно.

- Не секрет. Там, - он кивнул в сторону поезда.

- В центре? Да я ведь в той стороне работаю. Так что, если хочешь, пойдём вместе.

- Пойдём, - и Мишка, остывший и, как телёнок, покорный, поплёлся вслед за незнакомкой.

- Не отставай, - девушка обернулась и вдруг, остановившись, предложила: - Давай пойдём через тамбур. А то далеко обходить.

Она подошла к вагону, скомандовала:

- Лезь первым.

- А ты? Давай, подсажу, - Мишка уже хотел взять девушку за талию и помочь ей залезть, но та отстранила его руки и, хитро прищурив глаза, погрозила пальчиком: - Ишь ты, какой прыткий. А ну лезь, да поживее.

Он посмотрел на её короткое платье, и всё понял, затем кинул в тамбур портфель, вскочил сам и щегольски подав ей руку, предложил:

- Прошу.

- Ух ты, кавалер. Отличник, наверное? — она, смеясь, протянула ему свою маленькую и нежную ладонь.

Мишка первый раз в жизни оказался в роли настоящего кавалера и с нескрываемым удовольствием подчинился сладкой, обаятельной силе ухаживания.

Он ловко прыгнул с другой стороны тамбура на крупный гравий и снова на этот же манер повторил:

- Прошу.

Девушка, стуча каблучками о железные ступеньки, опустилась на нижнюю, остановилась и, придерживаясь за Мишкину руку, тоже прыгнула.

- Отличник, говорю, в школе-то?

- Да нет.

- А кто?

- Так, серединка на половинку.

Они перешли линию, опустили с насыпи и вышли на асфальт. Идти стало легче. Приятный голос спутницы и ровный стук её каблучков совсем заставили Мишку забыть о недавнем волнении и неловкой растерянности. Постепенно Мишка вошел в нужное русло

собеседника, почувствовал себя увереннее и стал обычным Мишкой - весёлым и общительным.

- Тебя как зовут? А то идём, разговариваем, а как звать друг друга, не знаем.

- Валя. А тебя?

- Миша.

- Это что, значит, "Михаил коров доил"? Так тебя в детстве дразнили?

- Та-ак, - весело и без обиды ответил Мишка, и они оба рассмеялись.

За разговорами он не заметил, как кончился асфальт, как прошли по грунтовой дороге ряд небольших магазинов и ларьков, как вышли на центральную улицу, тоже асфальтированную, затем свернули в переулок, и, выйдя на параллельную ей, остановились.

- Вот здесь я и работаю, - Валя показала на одноэтажное кирпичное здание, у входа которого была прибита вывеска "Дом быта". - Ну, что, до свидания, - Валя протянула Мишке руку, - если захочешь меня увидеть, звони, 9 - 11 - 26. Это домой. После шести я свободна.

В дверях она махнула ему рукой, улыбнулась и скрылась в тёмном подъезде. Мишка долго смотрел на захлопнувшиеся за ней двери и серьёзно думал о первом в своей жизни свидании.

II

Мишкина тётка Анастасия Петровна - женщина лет пятидесяти, маленькая, толстая, с острыми цепкими глазами и хитрым, скверным характером - жила в своём доме с густым забором и большим огородом. Была три раза замужем, и все три раза расходилась. Мужья не выдерживали её характера, бросали всё нажитое и Бог знает куда сбегали. Две её дочки по окончании школы одна за другой по-выскакивали замуж и тоже разъехались кто куда. В доме у Анастасии Петровны редко кто бывал. Все её как-то сторонились. И всё, наверное, потому, что каждого пришедшего к ней в гости она старалась любыми путями "угостить" работой. Поговорить она любила только о своём здоровье и о сбежавших от неё мужьях.

Хоть тётка и жила одна, но скотинка у неё всегда водилась - коровёнка, свинья, несколько кур. Дом был небольшой, но крепкий: из толстых брёвен с бетонным фундаментом - подарок, в кавычках конечно, последнего мужа.

Разделялся он на две половины. Одна отводилась под кухню, другая служила сразу и залом и спальней. На кухне стояла русская печь, стол, несколько табуретов и разного рода шкафчики. Комната была обставлена под старинку. В самом дальнем углу стояла широкая и высокая, да к тому же ещё на березовых чурочках, из

сплошного железа с различными на козырьках завитушками, кровать. У окна стоял старинный, ручной работы, диван с высокой и изогнутой, как коромысло, спинкой. Этажерка, сундук - огромный и тяжелый, комод - кучкой теснились у противоположной от дивана стены. Посреди комнаты, выделяясь своей мощью и величиной, стоял круглый, с резными ножками стол.

В ограде в один ряд были сооружены сарай, времянка, баня. За ними шел огород.

Когда Мишка вошел в высокие ворота тёткиных владений, Анастасия Петровна подметала ограду. Увидев племянника, она прекратила работу, навалилась на метлу, отставив одну ногу в сторону и устоялась на вошедшего с таким видом, как будто видела его впервые в жизни. Насмотревшись, затем только поздоровалась и провела в дом. На кухне она усадила его за стол, принесла молока, хлеба и молча стала наблюдать, как он все это ел.

Убедившись, что с принесенным покончено, она, грустно вздохнув, запричитала:

- Ох, мои рученьки. Ох, мои ноженьки. Да как же они у меня болят! Да когда же они у меня успокоятся? Изныли все. Изболелися. Нет им заменушки. Всё сама делаю. Дрова и те ...

Тут Мишка перебил тётку и как бальзамом пролил свои слова на больное тело Анастасии Петровны.

- Теть Тась, давайте я наколю вам дров.

Тётка посмотрела на Мишку, как на святого угодника, радостно всплеснула руками.

- Ой, Мишенька, родной мой племянничек. Спасибо тебе, дорогой, спасибо. Уважил на старости лет тётку. Дай Бог тебе здоровья...

Мишка не стал дослушивать тёткины похвалы, вышел во двор и только сейчас, среди разногохламья, заметил небольшую кучу берёзовых чурок. Сегодня он готов был хоть что сделать, даже с удовольствием мог с утра до вечера слушать тёткины жалобы на здоровье и жизнь, лишь бы увидеть свою "дюймовочку", на которой для него за какой-то час весь белый свет клином сошелся.

В шесть Мишка уже звонил.

- Алё, Валя, это ты? Здравствуй. Ну, как дела? Лучше всех? Мои? Ничего. Чем занимался? Да так по мелочам, - время торопил. Что? Время, говорю, торопил. Как зачем? Чтоб с тобой встретиться. Что? Согласна? Где-где? В кинотеатре? Конечно, знаю. В девять? Ну, пока. Жду.

Мишка бросил на рычаг трубку, перевёл дух и опрометью помчался домой. Прибежав, достал из портфеля брюки-расклёшенки,

недавно сшитые по последней моде, расстелил их на столе, включил уют, принёс воды, марлю, намочил её и принялся наглаживать.

Покряхтывая, вошла тётка. Грузно водрузившись на диване, с подозрением спросила?

- Идти куда наладился?

Мишка, не оборачиваясь, ответил: - В кино.

- Известно како кино. Поди... - тут она неожиданно с зати-лась за поясицу. - Ох, господи, да что же это такое? За что такие муки? - она потерла бок, продолжила: - Мать узнает, что хулиганишь, задаст дрозда.

- Не задаст. Я, правда, в кино.

- Ну-ну. Давеча вон дружок твой уже прибегал, тебя спраши-вал. И откуда только проведаль, шельмец.

- Кто прибегал?

- Известно, кто. Один он у тебя такой - чёрт рыжий.

- Вовка что ли?

- А то кто же? Он. Привязался, где Мишка, да где Мишка? Нет, говорю, его, нет, и не жди. Не пара, говорю, он тебе и ступай себе подобра поздорову. Вот уж по ком торьма-то плачет. Не водись ты с ним, не водись.

Мишка выглядел брюки, аккуратно повесил их на козырёк кро-вати, полюбовался, принялся за рубаху.

- Зачем вы на него так, тётъ Тась? Нормальный он...

- Ага, нормальный. Сказала давеча - не ходи, так и зазыркал своими глазницами бандитскими. Не стала с ним связываться - ушла, - тут она снова схватилась за бок, - ох разлад твою туды. Да что это за напасть такая? Всю спинушку исколола. Ровно кто иглами ширяет. Ой! - она резко выгнула, словно её и впрямь ткнули шилом. - Ой, мамочка родная, неужели не отпустит? Картошка ить не полона оста-нется.

Свист с улицы вдруг прервал жалобы Анастасии Петровны. Она как бы на миг забыла о своих болезнях, замолчала и насторо-женно покосилась на племянника: - Вон, явился. Неймется всё чёрту рыжему, ой, ой, - она попыталась привстать, изобразив бессилие, и снова села на место. - Надо же, моченьки уже совсем не стало.

Мишка участливо посмотрел на тётку, улыбнулся:

- Тётъ Тась, вы не вставайте. Лягте, отдохните. Завтра утром я отяпаю картошку. И Вовка может помочь. А сегодня схожу в кино, ладно?

- Ла-адно, - тётка вмиг подобрела, раздумянилась и даже удо-стоила племянника улыбкой. - Иди, но только и Вовка пушай тяпает. Всё одно так носится.

Мишка переоделся и пулей вылетел на улицу.

- О, Мишка! Сколько лет, сколько зим...

- Здорово, - Мишка обнял коренастую спину друга. Не зря тётка называла его "чёртом рыжим". Вовка весь, от пят до кончиков пальцев, был покрыт веснушками, каких, наверное, ещё белый свет не видывал. Копна красных, нечесанных волос, словно медь, горела на солнце, глаза и те были рыжие, пронырливые и насмешливые, что и пугало тётку. Мишку в Вовке привлекала какая-то ребяческая удаль, непоседливость, озорство – по-детски беспечное. В нём не было ни рисовки, ни хитрости. Он не задавался и не хвастался. Был прост, добр, говорлив и верен в дружбе.

- Как ты узнал, что я приехал?

- Мать видела тебя на станции. Дежурила сегодня, - он глянул на окно, и глаза его сверкнули откровенной злостью: - У-у, кобра. Не пускала меня давеча. - Он скривил на манер Анастасии Петровны плачущее лицо и передразнил: - Нету его, нету. Уедешь, все окна ей повыхлестаю.

Мишка проследил за взглядом друга и увидел в окно выглядывающее из-за шторы лицо тётки.

- Ладно, тебе, пойдём, - Мишка потянул за рукав Вовку, - а то сообщит матери, что я здесь веду себя плохо, да ещё наврёт, тогда будет дело. Ведь вера всегда взрослым.

- Да, это точно. Всегда вера им, - грустно подтвердил Вовка.

- Надо ей картошку прополоть или ещё что-нибудь сделать - сразу подберет. После этого хоть дом спали - выгорит.

- Ладно, чёрт с ней, прополем.

Они зашагали к центру, тут же забыв о тётке и обо всём на свете. У них были свои дела, проблемы, свои разговоры, свои новости, которые накопились за целый год. Их надо было рассказать, решить и всё это как можно быстрее.

...Друзья познакомились ещё прошлым летом, когда Мишка помогал тётке ночью на станции собирать из уже выгруженных вагонов оставшийся комбикорм. Там был и Вовка с матерью. Вовке это не нравилось. Мишке тоже. На дерзкое Вовкино предложение "смыться" Мишка охотно согласился, и они смылись. С тех пор они были "не разлей вода".

...Они шли, громко и весело разговаривали, смеялись. Вовка рассказывал ширинские новости. Вдруг он резко прервал рассказ, остановился и удивленно разглядывая Мишку, словно видя его впервые, с иронией спросил:

- Это ты по какому случаю выпендрился? - Он помолчал, критически, разглядывая его с ног до головы, съехидничал: - Надо же, нагла-

дился. Никак на свидание? С кем? Неужели мне такая честь? Польщен, друг, польщен, спасибо.

В другом случае Мишка точно так же ответил бы Вовке на его ехидства - шуткой, но сейчас не знал, что сказать, лишь пряча глаза в землю, потупился.

- Ты что, обиделся? - Вовка посерьёзней и уже без издевки заговорил: - Ты, Мишка, если что, скажи, я пойму.

- Да нет, не обиделся. Ты угадал, я на свидание.

- С кем?

- Сегодня познакомился, Валец зовут. В доме быта работает.

Вовка перебил.

- Парикмахершей? В дамском зале? Валька Боровых, что ли? - он вдруг откинул назад голову, откровенно и заразительно рассмеялся.

- Ты что, рехнулся? - Мишка недоуменно уставился на друга.

Тот сквозь смех сообщил:

- Да за ней же весь посёлок бегает.

Мишка ничего не понимал. Он продолжал также удивленно и ошалело смотреть на друга. Насмеявшись вдоволь, Вовка вытер ладонью слёзы, спокойно и без шуточек заговорил:

- А как же, знаем. Она в этом году десять классов закончила. Деловая такая, спасу нет. Вся из себя. Ходит, как пава, - он, по-женски повиливая задом, прошёлся возле Мишки, глянул на него лукавыми глазами, заключил: - А вообще она так это, ничего. А может, это, Мишка, к чёрту их всех, махнём с ночёвкой на озеро, а?

Мишка с удовольствием бы поехал с Вовкой на озеро, но желание увидеть Валу заставило отказаться от предложения друга. И он, как мог, объяснил.

Вовка всё понял и уже без лишних вопросов сказал.

- Ну ладно, держи кардан.

- До завтра.

Друзья пожали друг другу руки и разошлись.

После кино Мишка с Валец сидели на скамейке у её дома. Большой куст черёмухи, росший в палисаднике, бросал свои ветви почти на самые их головы. Кончался вечер, и сумерки, предвещая скорую ночь, медленно, но неотвратимо сползали на землю.

Валец рассказывала Мишке о своей жизни, работе. Мишка внимательно вслушивался в её мягкий и нежный голос. В небе одна за другой стали появляться звёзды. Откуда-то выкатился надкусанный, как ломоть сыра, месяц. Высветил у соседнего дома крышу с длинной трубой, бок ветвистого черёмушника, Валец лицо, делая его бледным, и снова исчез за случайно проплывавшей тучей. Мишка успел заметить её красивый профиль. Он обнял Валу за плечи и немного

привлѣк к себе Та не убрала Мишкину руку, не оттолкнула его, лишь склонив голову, замолчала. И в этой внезапно наступившей тишине Мишка услышал, как сильно и настойчиво забилося, отдаваясь в ушах, его сердце. И казалось, что его стук слышит даже Валя.

Утром, на прополке тѣткиного картофеля, Мишка рассеянно слушал неугомонную Вовкину болтовню и мечтательно улыбался. Он был весь поглощен вчерашней встречей. Вовка, заметив невнимательность друга, прервав работу, серьезно спросил:

- Ты чего лыбишься?

Мишку рассмешил Вовкин взѣрошенный вид и такая постановка вопроса. Вовка на Мишкин смех соорудил недовольную мину, бросил тяпку и сел прямо на землю.

- Харэ - перекур.

Он достал из кармана брюк, которые у него были засучены до колен, пачку "Беломора", спички, прикурив и, как заправский куряка, смакуя, сделал затяжку. - Хватит ржать, садись.

Мишка перестал смеяться, положил тяпку и, сев рядом, спросил.

- Давно курить начал?

- Полгода уже.

- А как предки?

Вовка грустно усмехнулся:

- Предки. Мать, правда, гоняет, а отцу по фигу, - он отрешенно махнул рукой, - да и вообще, возмѣт тоска, закуришь, и легче становится.

- Отчего тоска?

- Родичи живут плохо - лаются. Отец подопьѣт - мать на него с руганью кинется. А он на неё, тут и пойдѣт у них катавасия. Глаза бы не глядели. Не знаю, кто как, а я не могу на это смотреть - ухожу и закуриваю, - он набрал полный рот дыма, проглотил, как что-то вкусное, затем с шумом выпустил и предложил Мишке: - Закуривай.

Тот, как от огня, отмахнулся:

- Ага, увидит эта, - он кивнул в сторону дома, - разорется, а потом матери доложит.

- Боишься? - он ехидно усмехнулся. - Маменькин сынок. Все вы такие - некурящие и влюбчивые.

Мишка почаял Вовкин намѣк, но не обиделся, а наоборот, заулыбался. Разговор друзей прервал могучий тѣткин голос, звавший обедать.

- Ну что, пойдѣм?

Вовка утвердительно кивнул головой, поплевал на окуроч, глубоко вкрутил его в рыхлую землю и вслед за Мишкой отправился в дом.

Анастасия Петровна, чувствуя запах табака, исходящий от Вовки, недовольно косилась в его сторону. Но это не мешало ей быть сегодня доброй и ласковой.

- Кушайте, голубчики, кушайте, - с деланной любовью она потрепала Мишку и Вовку за волосы, - вот хлеб, крошечка, сметана, маслице. Кушайте, не стесняйтесь, - расточая в адрес изрядно поработавших пацанов похвалу и ласку, она ещё немного потолкалась возле них, а затем, несмотря на свою дородность, ласточкой выпорхнула во двор к своему ненаглядному хозяйству.

III

Теперь Мишка стал встречаться с Валею каждый вечер. Днём, если тётка не находила для него какой-нибудь работы, тоже старался забежать к ней на работу. Сейчас он и в мыслях не мог представить свою жизнь в Шири без Вали, у него даже к Вовке не было времени зайти. Друг несколько раз заходил к Мишке, но всё никак не мог застать его дома, и тоже отступился.

Однажды в выходной день Мишка с утра побежал звонить Вале. В трубке густым басом ответили:

- Её нет, уехала ... - и всё. Голос умолк, его сменило нудное и монотонное пиканье.

Мишка, ничего не понимая, слушал его противную песню. Он хотел тут же снова набрать номер и выяснить, зачем уехала, почему уехала, куда уехала? Но не решился. Он ругал себя за то, что не мог расспросить сразу. С час побродив по посёлку, он снова набрал номер. Тот же бас, но уже значительно, сообщил:

- Вам, молодой человек, русским языком было сказано - она уехала-ла. Понятно? До свидания, - и снова гудок, и снова Мишка ничего не понял. Он зло бросил на рычаг трубку и, не разбирая дороги, быстро зашагал прочь.

Находившись до усталости, он вернулся домой. Не успел он войти в ворота, как услышал на всю ограду заунывный тёткин вой:

- Господи милостивый. Да когда же кончатся мои муки? Силушки уже моей нету. Отымаются ноженьки. Отымаются рученьки. Нету им заменушки. Воды в баню натаскать не могу...

Мишка резко и сердито оборвал тётку:

- Тётъ Тась, вы что, по-другому просить не умеете?

- Что-о? - удивленно и почти гневно подняла Анастасия Петровна брови. Она уловила в тоне племянника справедливый намёк, но в силу своего скверного характера считаться с ним не стала. Она никогда ещё не видела таким Мишу и поэтому до глубины души была удивлена его поступком. Посверлив его злыми глазами, она для порядка, а больше по привычке, строго переспросила: - Что ты сказал?

- Что слышали, - огрызнулся Мишка, - он взял ведра, которые стояли тут же, и, уже идя с ними, недовольно пробурчал: - Приготовить успел.

Тётка, словно задетая за живое, взорвалась: - Ах ты, вражина этакий. Сопля зелёная, - она грозно воткнула в бока кулаки и разразилась бранью: - Ты кого вздумал учить, а? Я что тебе, ровня?

Но Мишка был уже у речки, которая протекала за огородами, и слова Анастасии Петровны едва были слышны и не так резали слух. Когда он вернулся с полными ведрами, тётка, уже остывшая и мягкая, как квашня, сидела на крыльце и жалобно всхлипывала:

- Все меня обижают. Некому заступиться. Родной племянник и тот уколоть норовит.

Закончив работу, Мишка успокоил тётку и снова отправился звонить. И в третий раз ему пришлось выслушивать всё то же пиканье. Но сейчас он почему-то не психанул, не разозлился, а как-то весь обмяк и сник. В душе произошло что-то вроде надлома. Разочарование и обида разом нашли приют в юном Мишкином сердце и вызвали неприятное желание плакать.

Таким понурым и кислым Мишка заявился к своему другу. Вовка жил недалеко от станции, в двухэтажном железнодорожном доме, в семье путевых рабочих - большой и шумной.

Дверь Мишке открыл Вовка.

- А, это ты. Заходи.

Мишка топал в тёмный коридор прихожей, споткнулся о множество обуви, разулся, бросил свои плетёнки в общую кучу и прошёл следом за Вовкой.

Квартира Клюевых была трехкомнатной и большой, с высокими потолками и широкими окнами. Вся её меблировка состояла лишь из шифоньера, старого, как мир, комода, с таким же древним телевизором марки "Рассвет" и большого круглого стола, который, как могучий пень, одиноко и мужественно стоял посреди просторного зала. А остальную подавляющую часть квартиры занимали кровати и стулья, стулья и кровати, как в путевом общежитии.

В зале за столом сидел и делал уроки младший Вовкин брат - ученик третьего класса, заядлый двоечник и второгодник, с которым приходилось заниматься круглый год. Над ним скалой возвышался отец, такой же рыжий, как и все его дети, небритый и пасмурный, как туча, он помогал сыну решать задачу. Мишка поздоровался, но Клюев даже ухом не повёл. Наклонясь над сыном, он громко и назидательно поучал своего отпрыска:

- Ну? Сообразил? Нет? Что молчишь, как в рот воды набрал? Отвечай, когда спрашивают

Сын виновато съёжился и молчал, как рыба.

Мишка с Вовкой прошли в другую комнату, уселись на кровати, заговорили.

- Где ты, старик, пропадал? Рассказывай, как живёшь? Как дела на любовном фронте?

- Никак, - грустно ответил Мишка.

- Что так? Разбежались что ли?

- Да нет. Уехала...

- Уехала? - Вовка вопросительно посмотрел на Мишку и вдруг неожиданно засмеялся: - Я тебе говорил, что за ней весь посёлок бегаёт? Скажи, говорил?

- Ну и что?

- А то, что я сегодня своими глазами видел, как она на мотике с каким-то франтом раскатывала.

Мишку ошеломило это известие. Он, раскрыв рот, уставился на друга. Тот, как ни в чём не бывало, рассуждал:

- Ничего, старик, не грусти. Всё, что делается, делается к лучшему. Запомни это...

- Когда ты их видел? - неожиданно прервал Мишка Вовкину речь.

- Как когда? Сегодня утром. Вцепилась в него, - он изобразил это руками, сделав их кольцом, - и покатила. - Затем, глубоко вздохнув, подытожил: - Ничего, переживёшь. Пора, старик, с ней завязывать. С ними только свяжись, не рад будешь...

- Может, ты ошибся? - спросил Мишка и с тайной надеждой посмотрел на Вовку.

Но тот, ничего не замечая, бесшабашно рубил:

- Кто, я ошибся? Да я её за километр узнаю. Еще раз повторяю, что своими глазами видел, как она хвост намыливала.

Мишка слушал Вовку и чувствовал, как ревность и месть переполняют каждую его клетку. Он представил, как задушил бы свою возлюбленную, и понял Отелло. Но скорые грёзы оборвал голос друга и вернул Мишку к действительности.

- Я рад, что у вас так вышло, - как стратег с дальним прицелом рассуждал Вовка, - некогда с ними валандаться. Время огородов настало, - он приблизил к Мишке возбуждённое лицо, заговорщицки зашептал: - Я тут у одних такие классные подсолнухи заметил! - Он сложил руки калачом, показал: - Во, рули целые. - И энергично стукнув себя в грудь, признался: - Не могу смотреть на них равнодушно. Как магнитом к ним притягивает.

Слушая Вовкины пламенные речи об огородах, Мишка упорно что-то обдумывал и наконец, мстительно сощутив глаза, сообщил:

- У меня идея.

Вовка притих и насторожился. Боясь пропустить из уст друга хоть слово, заворожено уставился ему в рот. Глаза его блестели азартом.

- Сегодня Валькин огород пойдём чистить.

- Вот это мысль! - воскликнул Вовка. Он восхищенно посмотрел на друга и, как будто не Мишка был злой на Валю, а он, подвёл итог: - Теперь она у нас попляшет.

Из за а прогремел хриплый голос отца:

- Я кого спрашиваю? Тебя или этот стол? - он казанками постукал по столу. - Посчитал? Нет? А ну, давай сюда ручку. Ты что мне даёшь? Я тебя спрашиваю или кого? Ручку? Да какая же это, хрен, ручка - без пера, чёрт ты голомысый.

От такого логического заключения Мишка, несмотря на плохое настроение, засмеялся. Вовка своим хохотом тут же поддержал друга.

Мишка не видел Валю два дня, и всё это время ходил, как в воду опущенный. От удачно проведённой в пылу ревности операции под кодовым названием "огород" ему легче не стало. Напротив, от этого он стал чувствовать себя ещё и виноватым. Он не знал, как поступит Валя, если узнает о его проделке. И эта неизвестность еще больше мучила его, ещё больше заставляла искать с ней встречи. С отъездом Вали Мишке казалось, что у него отняли что-то нужное, без чего нельзя жить дальше. Теперь он во всём признается ей, обязательно скажет, что любит её.

Вот в таком смешанном настроении он явился на свидание. Валя уже ждала его на скамейке. Поздоровавшись, Мишка сел, сорвал травинку, начал нервно кусать.

- Ты что такой расстроенный?

Вместо ответа Мишка обидчиво и сердито спросил:

- Ты где пропадала?

Уловив в Мишкином голосе что-то неладное, Валя настороженно ответила:

- С братом на курорт ездили. А что?

- С братом? - удивленно и радостно вскричал Мишка. Он резко, всем корпусом повернулся к Вале, обнял её и прижал к себе.

- Валечка, милая, как я ждал тебя, как волновался. Думал, что ты с кем-нибудь другим уехала, - он присел на корточки у Валиных колен, уткнулся лицом в её ладони и, целуя их, горячо зашептал: - Я люблю тебя, Валь. Я дня не могу без тебя прожить, - его возбуждённое состояние ещё больше обострило в нём чувство вины, и он откровенно признался: - Это я, Валь, в огород твой лазил. Обидно было.

Валя посмотрела на Мишку с каким-то взволнованным удивлением. Глаза её нежно и покровительственно блестели. Она высвободи-

ла руку, положила её на Мишкин лохматый затылок и поглаживая, тихо проговорила: - Ребёнок ты ещё, Миш. Суций ребёнок.

IV

Последним августовским месяцем отторало в Мишкиной жизни ещё одно лето. Участились и похолодели дожди. Каникулы подходили к концу. Накануне своего отъезда Мишка прощался с Валею у ворот её дома. Недавний дождь вымочил и освежил землю. В воздухе стояла тихая вечерняя прохлада. Лавочка была мокрой, и Мишка с Валею стояли.

Мишка был грустен. Валя мёрзла, то и дело куталась в большую шерстяную кофту, которая была накинута на её плечи. Слегка навалившись спиной на ворота, она сосредоточенно следила за носком своей туфельки, которой выводила в расквашенной земле какие-то фигурки. Оба молчали, как будто за всё время успели наговориться.

Желая избавиться от томительного молчания, Мишка спросил:

- Замёрзла?

Валя не ответила, лишь сильнее натянула на плечи кофту. Тогда Мишка взял её руки, грея, подышал на них, попробовал пошутить:

- Как ледышки...

Но разговора не получалось, и было жаль, что не получается именно в последний вечер.

- Уезжать не хочется, - снова механически сказал Мишка.

Валя опять помолчала, высвободила руки, спрятала их в рукава кофты. Чтобы вовлечь её в разговор, Мишка неожиданно даже для себя спросил:

- Вале, а ты бы хотела выйти замуж?

Валя не удивилась и, продолжая чертить что-то носком, автоматически ответила:

- По-моему, каждая девушка хочет выйти замуж.

Мишка, стараясь продолжить разговор, спросил:

- А за кого хотела бы ты выйти?

- Я хотела, чтобы муж у меня был военный.

Мишка обдумал что-то про себя, начал рассказывать Вале, что он тоже всю жизнь мечтал стать военным и, когда окончит школу, обязательно пойдёт учиться. Но Валя, без труда разгадав, к чему клонит Мишка, предупреждающе перебила:

- Пока ты учишься, я уже выйду замуж.

Видя, что Валя обо всём догадалась, и что её решения выходят не в его пользу, Мишка попытался использовать последний шанс - уговорить её дождаться.

- Не выходи, Вале, вот увидишь, я буду военн...

Валина ножка, описав по земле дугу, застыл

- Глупенький, - она посмотрела на Мишку тем же нежным, материнским огоньком своих тёмных глаз, - совсем не думаешь, что говоришь.

Мишка попытался возразить, но Валя, закрыв ему своей ладонью рот, остановила:

- Ни слова больше.

Мишка обнял Валию, стал искать губами её губы, но она то опускала, то поднимала голову, и Мишка, как слепой телёнок, то и дело тыкался ей то в подбородок, то в щеки.

- Не надо, Миш. Дай я сама тебя поцелую.

Её тонкие руки сильно обвили шею Мишки, а маленький горячий рот надолго вобрал в себя ещё не целованные Мишкины губы.

V

...Долгим и нудным казался для Мишки новый учебный год. Но и он, как и все остальные, оттремев последним звонком, закончился.

Снова поезд и снова тот же маршрут - Шира. Мишка с замирающей в сердце надеждой встречи с Валею вошел в пустое купе вагона. "Отлично, - подумал он, - так даже будет лучше". Никто не будет мешать его приятному одиночеству. "Лишь бы поскорее тронулся поезд, а там..." Он сел у окна, откинулся на спинку дивана. "А там... А что там? Ага, вот и тронулись". Мимо окна медленно поплыли столбы, стрелки, длинные серые склады пакгауза, перрон, ларьки, в которых кроме жареного хека и сигарет ничего никогда не было. Медленно стало приближаться массивное здание вокзала. Вдруг в его дверях появился военный с маленьким чемоданчиком в руке. Увидев отходящий поезд, он быстро побежал к нему, на бегу что-то крикнул и исчез из виду.

Вскоре этот молодой, высокий, с доброжелательным лицом лейтенант предстал перед взором Мишки.

- Ух, едва успел, - весело отдышался он и, скрипнув не разношенным ещё хромом сапог, шагнул в купе, забросил легкую ношу на полку, сел напротив. - Ну что, давай знакомиться? Михаил, - он протянул Мишке руку.

- Михаил, - тоже стараясь держаться солиднее, сказал Мишка и пожал мужественную руку лейтенанта.

- Отлично, - воскликнул лейтенант, - значит тезка?

- Тезка, - не скрывая своего восхищения, сказал Мишка.

Лейтенант был одет, как с иголочки: в новой, плотно облегающей форме, стройный, подтянутый, весь в коже и хrome. Хрустел и скрипел. Мишка уже был в него почти влюблен. "Эх, если бы таким увидела бы меня Валя... Сразу бы влюбилась. Сто процентов, влюбилась бы", - мечтательно рассудил Мишка. Он обязательно будет военным, только бы побыстрее закончить школу.

А поезд тем временем набрал скорость и, отстукивая первые километры, уносил Мишку к его любимой.

- И далеко путь держишь, тёзка?

- В Шира.

- Вот так штука, и я туда же. К кому, если не секрет?

- Не секрет, - польщенный вниманием своего кумира, несколько смущаясь, но охотно ответил Мишка, - к невесте.

- Ну, тёзка, у нас с тобой как по договору: ты в Шира - я в Шира, ты к невесте - я к невесте. По такому случаю не грех и... - лейтенант заговорщицки подмигнул Мишке и щёлкнул по кадыку указательным пальцем. - А? Как ты думаешь?

Мишка нерешительно пожал плечами.

- Ну и отлично, - лейтенант принял это за согласие, поднялся, щёлкнул замком на чемоданчике, вынул бутылку вина, плитку шоколада и две стопки. - Армянский. - И как бы между прочим осведомился: - Лет-то тебе, тёзка, много?

- У меня уже паспорт есть, - не без гордости ответил Мишка.

- Ну, тогда полный порядок.

Выпитая стопка коньяка, теплом обдав Мишке нутро, приятно закружила голову. Лейтенант раскраснелся, стал веселее и обаятельнее.

- Всё, тёзка, отгулял я своё. Нашел, как говорится, боевую подругу. Дней несколько поживу у неё, затем вместе поедом ко мне, распишемся, а там и в часть. - Лейтенант мечтательно глянул в окно, за которым уже собиралась ночь, наполнил коньяком пустые рюмки и, словно находясь на свадьбе, объявил: - Ну что, тёзка, давай за наших невест.

Мишка захмелел, освоился, улыбался, ел шоколад, и желая подержать разговор о невестах, спросил: - Красивая она у тебя?

Лейтенант вместо ответа улыбнулся, достал из внутреннего кармана кителя фотографию и протянул её Мишке: - Вот.

Мишка взял карточку, глянул в лицо будущей жены лейтенанта и обомлел: с небольшого кусочка плотной бумаги на Мишку смотрели милые, смеющиеся глаза Вали. Стукнувшись ребром о столик, фотография выпала из его рук. Он почувствовал, что слёзы вот-вот брызнут у него из глаз. Он закрыл лицо ладонями. Теперь ему уже не хотелось смотреть на лейтенанта и его будущую жену.

- Что с тобой, тёзка? - спохватился лейтенант. - Тебе плохо? Ляг.

Он помог Мишке расположиться. Мишка безвольно дал себя уложить, отвернулся к стенке и слышал, как лейтенант долго ещё сокрушался:

- Надо, же, перебрал парень. Но ничего, пройдёт...

ВСТРЕЧА

рассказ

Сегодня Пашка проснулся рано. Сонно сощурив глаза, посмотрел на залитое летним солнцем окно. Увидев на нём ползающую пчелу, внимательно последил за ней, затем поднялся, опустил на мягкую в цветных полосках дорожку ноги, посидел, равнодушно рассматривая на ней цвета, глянул на стенные часы, которые показывали начало шестого, прислушался к царившей в квартире тишине, словно желая убедиться, что все ещё спят, снова лёг. Достал из-под подушки книгу Куприна "Гранатовый браслет", стал читать, но читать не хотелось, мысли путались, строчки большими и маленькими полосками стояли перед глазами. Пашка старательно хватался за их ускользающий смысл, вновь и вновь повторяя прочитанное, но тщетно - беспокойное чувство, вкравшееся в Пашкину душу прошедшим днем, мешало ему сосредоточиться. Как волшебный сон всплывал в памяти вчерашний разговор отца с матерью о Лене Усольцевой - соседке и его однокласснице, из которого узнал, что Лена развелась с мужем и дня три назад приехала с дочкой к родителям. Он хотел подробнее расспросить о ней мать, но не решался. "Отчего не пожилось ей?" - в который раз задавал себе этот вопрос Пашка. В глубине души он даже был рад разводу. Но всякий раз, когда он думал об этом, то за подобные чувства ему становилось неловко и стыдно. "На чужом несчастье не построишь собственного счастья", - как самую справедливую формулу повторял Пашка, стараясь этим успокоить себя. Но в то же время он понимал, что обманывается.

Пашка не знал, да и не хотел знать истинной причины Лениного развода, но в душе заранее оправдывал её. "Пьяница какой-нибудь попался, вот и ушла. Милая Лена, единственная ты моя..." Пашка почувствовал, как от этих мыслей его щеки обжег волнующий пламень. "Вот если бы я был твоим мужем..." - мечтательно подумал он, но тут же с огорчением и досадой отогнал эту мысль. "Господи, ну зачем, зачем ты со мной так?" Ему представились её большие голубые глаза. Гордый холодный блеск их всегда смущал Пашку. Он знал её крутой нрав, но в душе всегда её прощал. "Интересно, какой она стала?"

После выпускного вечера Пашка Лёну не видел. В тот же год она уехала поступать в институт, вышла там замуж, родила и вот только через три года вернулась.

Чем больше он думал о ней, тем больше его воображение овладевало им, тем сильнее пробуждало в нём мучительные, страст-

ные желания любви. И в то же время, вопреки мечтам, в его душу закрадывалось сомнение, от которого отзывалась в сердце обида.

Чтобы не терзать себя напрасными надеждами, Пашка раскрыл книгу, дочитал оставшиеся страницы и, возбужденный её развязкой, снова задумался. "Вот это любовь, - с восторгом думал Пашка о книге, - по-настоящему достойна восхищения. Подарить любимой женщине единственное, самое дорогое, бесценное, что у него было - фамильную драгоценность. Постоянно следовать за ней, издали любоваться ею. Незаметно поднимать оброненную ею перчатку, платок и упиваться одним лишь сознанием, что она и её вещи есть нечто безраздельное, живое, одинаково любимое для него и дорогое. А затем убить себя". И всё это давало ему поистине высшее представление о жизни и счастье...

II

К Пашке с рождения несмываемым клеймом привязалась страшная болезнь - эпилепсия. Пашка считал причину своей болезни в плохой жизни своих родителей. Не живут они хорошо, не живут...

Большую часть своей жизни Пашка проводил в больницах. Ежегодно, особенно в летнее время, ложился на лечения, обследования, выписывался и вновь ложился, и так без конца. От физкультуры Пашка был освобожден. Он с нескрываемой завистью смотрел, как мальчишки гоняют в школьном дворе футбол, как сильны и красивы их движения в упражнениях на брусках, турнике, как дружно всем классом уходят в поход. Пашка понимал, что только болезнью не дает ему быть с ними. Он всем сознанием, всем существом своим протестовал против самой природы, которая так жестоко обделила его здоровьем, создала его не таким, как всех. И это вызывало у него угнетающее чувство неполноценности и ненужности. Были случаи, когда болезнь захватывала его прямо в школе. Выворачивая ему руки и коверкая лицо, она безжалостно бросала его на пол и, грозя покалечить, избивала до бесчувствия.

Ученики уклонялись от общения с ним. Пашка понимал причину такого отношения к себе и не лез к ним в товарищи, держался от них в стороне. Его больше мучили их подчеркнутая уступчивость, снисхождение, как к слабому, ненормальному по отношению ко всем, чем откровенные насмешки... Среди такой стремительно живущей, развивающейся молодости, Пашка чувствовал себя чужим и одиноким. И всё, что в его жизни случалось, плохое или хорошее, носил в себе. Конечно, сама обстановка, сама жизнь, заставляли Пашку ограничивать своё общение с людьми, но всё это не сделало его злым и черствым. В его жизни были такие моменты, которые особо отдаляли его от людей, заставляли уходить в себя, разочаровываться во всем. А

один случай, когда он случайно проходил по узкому слабо освещённому школьному коридору, увидел группу ребят и среди них Лену, остановился.

Всей школе были известны Ленкины похождения - встречи со многими парнями. Она была разбалована вниманием ребят и потому, наверное, разбрасывалась ими, как перчатками. В школе её так и звали - непостоянная.

Пашка видел её гордое, красивое лицо, тонкие, чуть улыбающиеся в иронии губы и поблескивающие в свете тусклой лампочки насмешливостью и озорством глаза. Её, видимо, забавляла эта взбунтовавшаяся горстка влюблённых. Вдруг один из парней с маху хлестнул Лену по лицу. Пашка видел, как та закрывала его руками, защищаясь от повторных ударов. Не помня себя, он подбежал к парню, рванул его за рукав, прохрипел:

- Хватит...

Он чувствовал, как лихорадочно тряслись его руки, каким тяжелым, почти неслышным был его голос, как отчаянно и взволнованно билось его сердце, когда он стоял между Леной и парнем.

Некоторое время вся компания недоумённо смотрела на Пашку. Затем тот, который бил Лену, ехидно спросил её:

- Этот псих, что ли, твой защитник?

Он весело посмотрел на дружков и, увидев на их лицах одобрительные улыбки, добавил: - Нашла же...

Когда парни ушли. Лена беспомощно навалилась спиной на стену, в её потухших глазах стояла пустота.

- Лен... - тихим, с нотками тревоги, голосом позвал её Пашка. Та, словно очнувшись от глубокого сна, строго в первый раз глянула ему прямо в глаза - любящие и счастливые. Всё поняв, смутилась, отвела взгляд и, как бы негодуя на него за всё случившееся, вместо ответа зло и насмешливо спросила:

- Просили тебя лезть? Тоже мне, заступник нашелся, - и, резко повернувшись, пошла к выходу.

Большой пощёчиной хлестнули Пашку Ленины слова, неприятным густым румянцем загорело лицо. Безвольно опустились руки, он непонимающе уставился в медленно уплывающую в мокром тумане, едва видимую спину Лены. Непонятно откуда взялся смех парней, открытый и злой. Стук удаляющихся Лениных каблучков делал его ещё злее и насмешливее. Но вот хлопнули двери, и всё кончилось. Уронив на грудь голову, Пашка, уничтоженный, один остался в пустом, как его душа, коридоре.

Не дождавшись конца вечера, Пашка ушел домой. Долго стоял он у своей двери. Впервые не хотелось заходить в собственную квартиру. Вдруг, нарушив тишину, хлопнули подъездные двери, и быстрые каблуч-

ки, простучав о бетонные ступеньки, затихли на нижней площадке. За ними медленно и тяжело последовали другие и тоже остановились.

-Тише, соседей разбудишь, - раздался предупреждающий шепоток, - скажут, опять Ленка с кавалерами по подъездам шастает, - лёгкий смехок, и всё стихло.

У Пашки часто и нервно забилось сердце. Затаив дыхание, боясь выдать себя, Пашка застыл на месте. Он узнал Ленкин голос, её шаги, смех. По приглушенному, ломающемуся баску он узнал и второй. Ленка была с тем парнем, который совсем недавно бил её. Удивление и страх с поразительной быстротой овладели им. Он с трудом выносил их сдержанный шепоток, смех, поцелуи, доносившиеся снизу. В его голову упорно лезла мысль: "Как же так, ведь он же бил её?" Страшный стыд за свой поступок внезапно охватил Пашку. Он только сейчас понял его ничтожность и бессмысленность. Ему захотелось вдруг крикнуть "Зачем вы так?!" Но Пашка не двигался. Снова злорадный смех стоял в его ушах. Снова до мельчайших подробностей встал перед глазами случай в школе. Лестничная площадка, невольная ставшая свидетельницей переживаемой им драмы, стала для Пашки противной. "Бежать, немедленно бежать, - билось в его голове, - от всех людей. Не видеть их странные непонятные поступки". Он привычным движением руки нашел кнопку звонка, нажал. Слабый голос матери за дверью спросил: - Ты, Паш?

Пашка, не отвечая, продолжал звонить. Торопливый шорох ключом, и вот мать - единственный друг, с каким-то застывшим навеки в глазах испугом, перед ним.

- Что с тобой? - спросила она.

Пашка, не отвечая, быстро прошел мимо неё в свою комнату, остановился, вопросительно осмотрелся и вдруг, как подкошенный, рухнул на кровать. Слёзы заливали его лицо, руки. Он не сдерживал их, он плакал как дитя - неудержимо, взхлёб, с какими-то бессвязными, редкими выкриками.

- Никому я не нужен! В заступники и то не гожусь!

Мать молча стояла у постели сына. Её побелевшие губы подрагивали. За его бессвязными словами она видела всю его рвущуюся наружу душевную скорбь. В её сухих, выплаканных глазах отражалось беспомощное участие и горе.

Пашка, не унимаясь, плакал. Мать присела на край кровати, положила на аккуратно подстриженный и горячий затылок сына руку, нежно поглаживая, стала успокаивать.

- Всё будет хорошо, сынок, не плачь.

Пашка, чувствуя родную и дружескую, немного шершавую ладонь матери, притих. Затем резко повернул к ней заплаканное лицо и с вырвавшейся надеждой спросил:

- Когда это всё кончится, мам, когда? Я хочу быть, как все...

Пашка увидел, как сморщился и беспомощно дрогнул материн подбородок, как, словно под тяжестью вины, опустились и повлажнили её глаза. В них он нашел ответ. В наполненном переживаниями лице матери застыла за родное дитя больше чем жалость и горе. И Пашка понял это. Ему стало жаль матери. Обнимая её и вытирая ей слёзы, он успокаивающе произнёс:

- Не надо, мам. Я больше не буду.

Мать, не глядя на него, повторяла.

- Хорошо, сынок, хорошо. Всё будет хорошо...

III

Пашка услышал, как встала и прошла на кухню мать. Тихо застучала посуда. Вспоминая этот случай, Пашка решил откровенно поговорить с матерью о Лене. Он тут же встал, оделся и вышел из комнаты.

Умываясь, он обдумывал предстоящий разговор, торопился. Нестерпимая радость выпала из ванны не совсем сухим и расчесанным.

Мать на посыпанном мукой столе раскатывала тесто. Она вопросительно глянула на сына, увидев мокрый чуб и виски, спросила:

- Пошто плохо вытерся-то? — но, заметив, как смутилось лицо сына, снисходительно добавила: - Ладно, бери скалку, катать.

Пашка взял скалку, раскатал несколько сочной и, стараясь быть спокойным, осторожно спросил:

- Mam, а ты видела Лену?

Мать сразу догадалась, о ком идет речь, но, делая вид, что не поняла, переспросила:

- Какую Лену? Усолицеву, что ли?

- Да...

- Я с её матерью разговаривала.

Пашка помолчал, раскатывая мягкие круляшки и, нарочно сделав равнодушный тон, как бы между прочим, сказал:

- Какая, интересно, она стала? Изменилась, нет?

Мать, видя, что Пашка специально затевает разговор о Лене, поняла, что всё равно не избежать его, решила сама начать, но только не в таком цвете, в каком бы хотелось Пашке.

- Пожалуй, изменится, жди. Мать вон не знает, что с ней делать-то. Извелась бедняга, не спит, стонет всё. Ох, Ленка, Ленка. Привезла ты нам, говорит, с отцом хлопотушек...

- Это у ней, мам, жизнь не сложилась, - перебил Пашка.

- Да, да, не сложилась, - с какой-то досадой согласилась с сыном мать. Она молча посолила фарш, размешала, добавила в него перцу, попробовала на вкус и, продолжая прерванный разговор, осуждающе начала: - Уж больно часто что-то у молодых не складывается. Роди-

телей совсем перестали слушать, вот и не складывается. Всё сами. Вот тебе и сами - с усами. Сидит теперь одна, с ребёнком-то

- Она не засидится...

Мать поняла, что хотел сказать Пашка, потому, перебив его, поспешила предупредить:

- С лица, Пашенька, воды не пить. Главное в жизни - характер.

- А что, Ленка разве плохая?

- Да нет, не плохая. Уж больно непоседа. Красивые вон только обновы справлять ловкие. Мать рассказывает, напялит Ленка на себя штаны узенькие и крутится часами перед зеркалом, - она немного помолчала и, как бы подытоживая разговор, закончила - Красоты, конечно, у неё не отыметь.

Пашка при последних словах улыбнулся, лёгкий румянец выступил у него на лице. Он был рад, что мать всё же неплохого мнения о Лене и совсем не зло говорит о ней. Напротив, за её словами он даже уловил какую-то скрытую симпатию. Он с одобрением посмотрел на мать, улыбнулся её серьёзному виду, с которым она лепила пальмени, и осторожно спросил:

- Mam, а ты какую бы хотела себе невестку?

Несмотря на весёлый тон сына, она сразу уловила настоящую суть вопроса. Она понимала, какой скрытой надеждой переполнена его душа, стремившаяся найти себе утешение не в простом понимании и сочувствии, а в реальном ответе на её движения. Мать бросила на сына косой взгляд, тот, радостно поблескивая глазами, ждал ответа. Как всё же больно видеть всю нелепость судьбы, бросившей её сыну то ли по ошибке, то ли в ответ на какой-то грех, здоровой душе - разбитую плоть. И душа эта живет, ищет, страдает и любит, но всё впустую. Какая жестокая несовместимость. Обидно, страшно обидно. Но больнее всего было откровенно признать это перед сыном. Как и всякая мать, она желает только счастья своему ребёнку, даже пусть далёкого, пусть даже воображаемого, но счастья. Она видела в глазах сына незатухающую надежду на счастье, и потому, всем сердцем стремясь поддержать его, ответила:

- Чтоб уважала тебя, Паша, и любила. И чтоб ты её любил, - после недолгого молчания она не без волнения продолжила - Врачи говорят, что дескать, ничего страшного, можно и ему жить, это про тебя они, только мол уход за ним нужен, уход. А кака ноне возьмёт на себя таку обузу?

Заворочался и закашлял в спальне отец. Чиркнул спичкой, закурил. Едкий, противный дым голубым облачком потащился на кухню.

- Закрой, Паша, дверь.

Чтобы не выпачкать в муке ручку, Пашка плечом придавил плотно дверь.

- Когда ты отучишь его курить в комнате?

Мать безнадежно повела бровями. Пашка заметно погрузился, молча лепил пельмени, молчала и мать. И чувствовалось в этом что-то недосказанное. Пашка решился на главное и нарушил молчание.

- Мам, я хочу, чтобы Лена стала моей женой.

Мать удивлённо вскинула на сына брови, в её глазах плеснулся и замер испуг.

- Ой, Пашенька, сынок, она ведь не пойдёт за тебя...

Покряхтывая, прошел в ванную отец, пошумел в ней водой, вышел, потоптался возле кухонной двери, раз-другой ткнул её и, не сразу открыв, зло выругался. Проснувшись в приоткрытую дверь пасмурное, небритое лицо, сердито спросил: - Чё закрылись?

Увидев стряпавших в странном молчании, уставился на них долгим, немигающим взглядом, но, не дождавшись ответа, плотно закрыв за собой дверь, удалился.

После завтрака Пашка сидел в своей комнате, в мыслях представляя встречу с Леной. Медленно и нудно тянулось время. Не зная, чем заняться, он достал из-под подушки книгу и, открыв её наугад, прочёл первые, бросившиеся в глаза строки: "... сегодня я уезжаю и никогда не вернусь, и ничто Вам обо мне не напомнит..." Пашка повел глазами ниже, наткнулся на другие: "Дай бог Вам счастья и пусть ничто временное и житейское не тревожит Вашу прекрасную душу..." Пашке стало не по себе, он тяжело поднял голову, мысленно повторил "временное и житейское". От таких слов заныло в сердце. Они показались ему мелкими и ничтожными, но в то же время и странными. Они грозно ставились в противовес его настоящим чувствам. "Временное и житейское", - снова повторил Пашка и тут же подумал: "Разве может быть что-нибудь меньше временного и ниже житейского? А может это временное и есть вечное и большое? Может из него-то и складывается та самая жизнь, которая движет людьми? Он грустно вздохнул, закрыл книгу, положил её на стол, задумчиво походил по комнате, остановился у окна, из которого хорошо был виден двор, вгляделся в него и вдруг, наткнувшись взглядом на знакомую с детства девичью фигуру, всем существом своим скорее догадался, чем узнал в ней Лену. С трудом проглотив подкатывающий к горлу ком, он жадно стал всматриваться в неё. Лена почти не изменилась: по девичьи сложенная фигура осталась прежней - высокая, стройная, в джинсах и в синей, под цвет брюк, с длинными рукавами кофте, она выглядела ещё изящнее и красивее. Длинные белокурые волосы слегка вились и небольшими, кокетливыми завитушками обегали к

плечам. Лена прогуливалась с дочкой. Двухлетняя, похожая на мать, девочка в красном с белым горошком платьице, бегала по асфальтовой дорожке. То и дело подбегая к матери, она тянула к ней ручки и, когда, подхваченная ею, оказывалась в воздухе, громко и залихватисто смеялась. Лена нежно целовала её в щёку, а когда девочка снова просилась бегать, отпускала. Пашка смотрел и искренне радовался их спокойной счастливой игре. Он почувствовал, как приятным нежным теплом наливается его грудь. До сих пор он видел лишь профиль Лены. И томительное желание увидеть её лицо надоедливо грызло сердце. Но как назло, она не поворачивалась. Она внимательно следила за дочкой и медленно ходила за ней. Но вот она, снова взяв девочку на руки, закружилась с ней на месте, и Пашке несколько раз удалось увидеть её лицо. Немного похудевшее, оно казалось серьёзным и строгим. Даже спокойная её улыбка не могла скрыть затаившуюся в её глазах и лице тихую грусть. "Как она повзрослела". Пашке стало жаль Лену. Ему показалось, что её всё ещё мучает неудачно сложившаяся семейная жизнь, что она, как никогда, нуждается в помощи. Как всё же сложна и непонятна семейная жизнь. Пашке она казалась далёкой и противоречивой. Он искал и не мог найти для себя ответа в этом капризном, извечно загадочном семейном счастье. Он глядел на Лену и в сотый раз спрашивал себя: "Почему люди ссорятся? Почему сначала клянутся в любви, а потом, как чужие, расходятся и всё забывают? Почему так быстро всё проходит?"

Пашка видел, как Лена отвела дочь на песок детской площадки, принесла ей маленький совок и, немного поиграв с нею, ушла в дом. Девочка, сидя на корточках, копалась в песке. Серьёзный и сосредоточенный её вид казался милым и забавным. Пашка прошёл на кухню, взял из вазы, стоявшей на столе, горсть конфет, сунул их в карман и с трепещущим сердцем вышел. На лестничной площадке он перегнулся через перила, посмотрел вниз, затем осторожно ступая, вышел из подъезда. От яркого солнца просто слепило глаза. Пашка, шурясь, глянул на единственный в их дворе тополь, в густой листве которого умирающе пошевеливался ветер. Он нерешительно подошел к девочке, присел рядом на корточки и, не зная как привлечь её внимание, негромко кашлянул. Та, увлечённая игрой, не сразу заметила Пашку. Услышав над собой голос, она резко вскинула на него ясные, полные любопытства голубые глаза. Пашка достал из кармана конфету и протянул девочке. Та, не обращая внимания на конфету, широко и удивлённо смотрела на незнакомого ей дядю, но вдруг смешно скривив губки, заплакала. Пашка быстро поднялся и, не зная что делать, растерянно затоптался на месте. Обернувшись на шум, увидел бегущую к ним Лену. Подбегав, она оттолкнула его от дочери и резко крикнула:

- Отойди сейчас же от ребёнка!

Красная и взволнованная от бег, она часто и нервно дышала.

- Отойди, я сказала! - злая голубизна заиграла в её глазах.

Расстроенный и смущённый, Пашка непонимающе смотрел на Лёну и вдруг некстати, улыбнувшись, брякнул:

- Здравствуй.

Лёна с внимательной неприязнью оглядела его неуклюжую фигуру, не сказав ни слова, взяла на руки дочку и, успокаивая её, пошла с ней к дому. Девочка перестала плакать и с боязливой украдкой поглядывала из-за плеча матери на незнакомого дядю. Хлопнув дверью, выбежала из подъезда мать.

- Что случилось, дочка?

Лёна остановилась, кивнула в Пашкину сторону, сказала

- Дурак вон. Дебил, напугал мою ласточку, - она чмокнула дочь в щёку, ласково пожалела: - Не плачь, не плачь, моя ягодка. У-у, какой нехороший дядя. Вот мы ему, - Лёна погрозила в Пашкину сторону пальцем, добавила: - Погрози дяде пальчиком, скажи, дядя кака.

Девочка, выставив согнутый указательный пальчик, погрозила.

- Вот молодец, вот умница, - Лёна ещё раз чмокнула её и скрылась в подъезде. За ней, ощупав Пашку колючим гневным взглядом, скрылась и мать.

Пашка только сейчас понял, что произошло. У него, словно от свалившегося на голову камня, потемнело в глазах. Он почувствовал, как качнулась и поплыла из-под ног земля...

Очнулся Пашка у себя на кровати. Увидев сидевшую рядом мать, понял, что минул приступ. С трудом отыскивая в памяти минувшее, вспомнил бегущую Лёну, заплаканную девочку с голубыми глазами. Вспомнил тополь, кудрявый и равнодушный, и это убивающее, как гром слово "дебил". Пашку нисколько не тронули эти воспоминания. Его теперь не мучили ни обида на Лёну, ни досада на судьбу. В груди его было покойно и тихо. Он равнодушно стал рассматривать переставшие интересовать его предметы. Увидев на столе книгу, подумал "временное и житейское..." Ему вспомнились из неё слова "сегодня я уйду и никогда не вернусь, и пусть вам обо мне ничего не напомнит. Всё пройдёт и забудется." Пашка странно усмехнулся и закрыл глаза.

Утром мать заглянула к Пашке в комнату и, не найдя его там, пошла искать. Влекомая недобрым предчувствием, открыла дверь ванной и, словно поражённая громом, остановилась. Перед ней в странной полудремоте, уронив голову набок, сидел Пашка. От его шеи к трубе тянулась верёвка. Поняв всё, она охнула и медленно, держась за косяк, сползла на пол.

IV

Лена с большой неохотой пришла на похороны. Встав в дверях, она с тревогой взглянула на покойника. Спокойное, умиротворенное лицо лежащего словно говорило: "отчего вы все суетитесь? Вот я, лежу и ни до кого мне нет дела." Сидящая рядом мать, жалко сгорбив спину, тихо причитала:

- Пашенька... сыночек...

Изредка проплывало помятое лицо отца, несколько старух, покачивая головами, рассудительно перешептывались:

- Царствие ему небесное, отмучился, горемычный...

Лене стало не по себе. Ей захотелось вдруг осмотреть квартиру, в которой была за всё время впервые. Она зашла в комнату, где жил Пашка, у входа наткнулась на ящики с водкой, обошла их и, рассматривая скромную и чисто убранную комнату, подошла к столу. Увидев книгу, взяла её в руки, прочла: А.И. Куприн "Гранатовый браслет". Раскрыв наугад, стала читать: "Я не знаю, как мне кончить письмо. От глубины души благодарю Вас за то, что Вы были моей единственной радостью в жизни, единственным утешением, единой мыслью. Дай бог Вам счастья и пусть ничто временное и житейское не тревожит Вашу прекрасную душу..." Она закрыла книгу, прочитанные страницы нагнали грусть и тоску. Ей вспомнилось содержание повести, она когда-то читала её. Нестерпимая жалость к герою вдруг кольнула и защемила сердце. Лена бережно положила книгу, подошла к окну, глянула на залитый солнцем двор, затем перевела взгляд на навес подъездной лестницы, под которым что-то краснело и с отвращением догадалась: крышка гроба. Она поспешно отвела глаза и тут только увидела в углу оконной рамы пчелу. Пожалев, что не увидела её раньше красного пятна, стала рассматривать насекомое. Пчёлка медленно заползала на стекло, обрывалась, снова заползала и снова обрывалась.

Забыв о красном пятне, о покойнике, Лена с любопытством наблюдала за её ленивыми, беспомощными движениями, думала "временное и житейское..."

Пчёлка ещё раз вскарабкалась и, оборвавшись, успокоилась, как бы всем видом показывая: "Да, всё в мире временное и житейское. Всё пройдёт и забудется, и не надо ни о чем переживать и думать..."

ЛЮБ ОПЫТСТВО

рассказ

Посвящается Н.К.

После сдачи летней сессии, я и двое моих друзей сидели в ресторане, наслаждаясь шампанским и танцующими девочками. У Кости здоровье хилое, быстрее пьянел и дурнел, чем пил. После второго бокала начал уже коситься на публику.

- Кулаки свинцом наливаются, - серьезно сообщил он.

Игорь, теребя рыжий ус, беспокойно поглядывал из-под очков на Костины кулаки и дружески успокаивал:

- Ты лучше смотри, как стаканы вином наливаются.

Костя в улыбке лениво кривил на одну сторону рот и, счастливый, тянулся к бокалу.

Годы были восьмидесятые: вина, закуси навалом и всё почти даром. Да и публика была интеллигентная, вежливая: здарсьте, до свиданьица навсегда скажут друг другу. А насчёт того, чтобы спасибочки или будьте любезны - это само собой. Такими были те годы. Всё было по уму и вдохновению. Официантки - комсомолочки, все как на подбор - молоденькие, чистенькие, личики умытые, кофтенки отутюженные, - легко и с энтузиазмом порхали в коротеньких юбчонках от столика к столику. Их длинные ножки в чёрных колготках приятно ласкали глаз. Костя с Игорем то и дело подзывали одну из них и заказывали всё подряд. Девушка улыбалась, строчила нежной ручкой одной ей понятные кренделёчки в блокнотик и улетала. Игорь побрякивал, нервно теребил ус и возбуждённо ёрзал на стуле.

- В такие ручки стипендию не грех положить, - вслух прочитал я мысли друга

- Каково сказано, а? - юлой закрутился на стуле Игорь, - пьём за красивые ручки...

- И за ножки тоже, - Костина улыбка сползла на другую сторону.

- За всё пьем, что у них есть...

- Пьем ...

И мы пили. Беззаботно и от души. Вино приятно кружило голову и нежно грело лицо. Негромкая музыка уносила наши мысли с собой. Вдруг нашу идиллию нарушил женский голос.

- Извините...

Я повернул голову и увидел укутанную от шеи до пят в чёрное платье незнакомку восточного типа. Она походила на тёмную, непроглядную, без единого светлого пятнышка ночь. Таких чёрных роскош-

ных волос я не видел никогда. На голове они складывались в пышную причёску, падая вниз, скрывали плечи, спину и касались талии. Из узкого разреза смущенно поблескивали два чёрных огонька. Друзья, словно набрав в рот воды, молчали.

- Вы танцуете? - уже громче спросила она.

Ее взгляд метнул нетерпение, смуглые щеки залил румянец. На тёмной коже он выглядел густым. Припухшие губы подрагивали. Мне показалось, что мои ноги сами подняли меня и пошли за ней. Она молча разглядывала меня и разговаривала со мной глазами. Я считывал с них её мысли и чувствовал нарастающее влияние её загадочных глаз.

- Ты одна? - спросил я.

- Почему одна? С тобой, - спокойно и уверенно, но в то же время не без иронии ответила она. Лицо моё вспыхнуло. Она заметила и понимающе улыбнулась.

- Я в другом смысле, - попытался я оправдаться.

- Я в другом и ответила...

- У вас красивые волосы...

- Знаю...

Настало молчание. Оно вызывало чувство неловкости. Мне хотелось с ней говорить, но я не знал, о чем. Меня смущала и в то же время пробуждала интерес её загадочная уверенность. Она окружила себя тайной, и её отношение ко мне походило на странную игру. Я догадывался - она выбрала меня и выбрала наверняка. Это меня интриговало. Она расставила сети и заманивала меня своим чарующим взглядом, полуулыбкой, недосказанностью. Я ничего не имел против её сетей, тем более, что они были очень даже и ничего, но хотелось бы, конечно немножко посопротивляться, попасть в них не сразу, помногу.

- Душно здесь, - мой голос надломился и закрипел. - Может, пойдем погуляем?

Прозвучало банально до ужаса. Её глаза догадливо улыбнулись. Мне стало неловко, и я готов был провалиться.

- Пойдем погуляем, - всё так же хитро щурясь, как бы передразнивая, повторила она.

Мы оба знали, чем закончится эта прогулка, но как она будет проходить, не знал только я.

Она медленно пошла к выходу, я - попрощаться с друзьями. Покидая их, я услышал как Игорь поучал Костю: - Учись как надо, пацан. А у тебя на уме один свинец.

Выйдя на воздух, я обнял её. Она повела плечами, освобождаясь от руки.

- Не надо...

Я послушно убрал руку.

- Мне привыкнуть нужно.

Мы спустились к набережной. От реки запахло рыбой. Мы подошли к гранитным перилам дамбы и стали смотреть в темные, несшиеся мимо нас воды Ангары. Ночной прохладный воздух освежал и трезвил ум.

- Зачем мы ушли?

Она взяла мою руку, по-дружески сжала и, заглядывая в глаза, умоляюще и тихо проговорила: - Не сердись. Не торопи меня, ладно? Мне нужно настроиться. Не могу я сразу.

Я недовольно хмыкнул.

- Интересно.

- Я понимаю твоё нетерпение и знаю, что ты думаешь обо мне, но я хочу, чтобы и ты меня понял.

Она, как будто извиняясь, опустила голову. От её уверенности не осталось и следа. Напротив, сейчас она выглядела стыдливо и беспомощно. "Переоплощение какое-то" - думал я. Под ночным небом её чёрный облик стал ещё загадочнее и очаровательнее. Я чувствовал, что она хочет мне о чем-то рассказать, но не решается.

- Дело в том, - не поднимая головы, продолжала она, - что со мной это впервые.

Я откровенно рассмеялся.

- Не веришь?

Она подняла на меня поразительно чистый с детской обидой взгляд. И мне стало неловко за свой смех.

- А впрочем... правильно, - она отвернулась и поежась, сменила тему: - Пойдём, прохладно что-то становится.

Мы отошли от набережной и повернули в тёмную, без единого фонаря улицу. Лишь свет луны падал нам под ноги, отбирая у темноты куски асфальта и углы старинных русских домов. Прохладный ветерок, что был у реки, исчез, запутавшись в частных строениях. Запахло сиренью и тополями.

- Знаешь, что я прочла в Евангелии? - нарушила она молчание.

"Вот это новость! Что-то, а вот об Евангелии услышать, да ещё после ресторана... стоп, а впрочем... после чего ещё о нём можно услышать?" Я мгновенно поймал себя на мысли и задал себе вопрос: "После чего тогда? В этом-то может быть и вся тайна?" Я молчал, мысль жадно искала ответ. Я не сводил с неё глаз.

- Прелюбодействующий в мыслях своих - уже прелюбодействует.

"Ну-у, всё ясно, приехали". За сердце щипнуло безнадежным предчувствием разочарование, но в то же время я сгорал от любопытства - чем всё это закончится.

Мы подошли к старому дому и стали подниматься по деревянным ступеням на второй этаж. Каждый наш шаг отдавался в ушах их скрипом.

- Тихо, - шепотом, приложив указательный палец к губам, предупредила она, - соседей разбудишь. Они знают, что мой муж уехал.

Высокие потолки и длинные окна, широкий архитектурный размах в стиле русской купеческой старины пробуждали чувства утраченной свободы, покоя и тишины. Было тепло и чисто.

Светлая тихая ночь проникала в комнату сквозь открытые окна. Желтые шторы широкими лентами свешивались с деревянных, старинной работы гардин, и достигали пола. То и дело в них пошевеливался легкий ветерок. Луна, рассыпая своё серебро, маленькими струйками проникала через узенькие щелки штор, весело забавлялась в шкафу хрусталём. Почти сказочно выглядели на стене в её свете несколько натюрмортов. "Неизвестная" Крамского походила скорее на богатство, чем на суетский выезд. Господство лунного света и запахи летней ночи придавали жилищу особую ласку и чувственность. Я так увлёкся комнатой, её обстановкой, что не заметил появления хозяйки у себя за спиной.

- Нравится? - услышал я её тихий голос. От неожиданности я немного даже вздрогнул. Она стояла так близко, что я чувствовал на плече её дыхание. - Что ты стоишь, проходи, будь как дома.

Она плотней задёрнула шторы и включила ночник.

Когда мы сидели в креслах и неторопливо потягивали терпкую настойку, она вдруг рассмеялась.

- Знаешь, что мы забыли?

- Что?

- Забыли познакомиться, - она весело и заразительно смеялась, закрывая лицо ладонями и легонько потряхивая головой, - современные нравы называется. - Она вытерла кончиками пальцев с краешек глаз выступившие от смеха слёзы и через столик протянула их мне: - Надя.

Я поцеловал её крашенные ногти, увлажнённые солоноватыми слезинками, и назвал своё имя. Мы снова медленно пили вино и думали каждый о своём.

- Хорошо у тебя.

- Я люблю свою квартиру, - оживилась она, - тихо. Душой отдыхаешь. - Она замолчала, глубоко и с грустью задумалась. - Знаешь,

что хочу тебе сказать, - нарушила она молчание, подавшись немного вперед, устремив свой взгляд прямо мне в глаза.

Я поставил свой бокал и стал ждать. Любопытным ожиданием стукнуло сердце. "Ну, что там ещё?" - пронеслось у меня в голове.

- Я несколько лет готовилась к этому. И даже искала случая.

Я не сразу понял, о чем она. После резкой смены тем, мои мысли не успевали следовать за её словами. Но когда смысл их доходил до меня, наступало некое просветление. Удивительное чувство совпадения взглядов, понимание и вера в её искренность. Она не лгала, не играла. Это чувствовалось, было видно. В этом видимо и заключается чистота души человека - оставаться самим собой. Она походила на большое дитя.

- Два года назад я совершила это. И я продолжаю совершать, но только в мыслях. Ты меня понимаешь? Мы с мужем живем пять лет, и все пять лет я об этом думала. И только два года назад я совершила это. Я всегда знала, что это когда-нибудь случится. И вот дождалась. Это случится сейчас, так?

Мне показалось, что она ещё больше, даже с каким-то неистовством подалась вперед. Может быть, ей хотелось скорее услышать ответ? Может, стремилась увидеть его в моих глазах? Напряжение её глаз выражало страстное нетерпение. Я кивнул и неожиданно для себя улыбнулся. Она заметила, перевела взгляд на мои губы, затем, взяв бокал, сделав глоток, глубоко погрузилась в кресло.

- Я очень люблю своего мужа. Он у меня порядочный. Знаешь, даже жалко как-то. Мне было семнадцать лет, когда я вышла за него. Глупая была, ничего ещё не понимала, ну в этом смысле конечно. Кроме него у меня никого не было... до сих пор, - добавила она и на последнем слове сделала ударение, - зря, между прочим, улыбаешься. Не веришь?

Я и не думал улыбаться и не знаю, как она могла обнаружить на моём лице улыбку.

- Верю, - как можно убедительнее ответил я.

Не слушая меня, она продолжала:

- Все пять лет я думала - как с другим. Ругала, осуждала себя за подобные мысли, но ничего не могла поделать с собой, только ещё больше вызывала к жизни любопытство, - голос её сухо заскрипел. Глаза, отразив цвет штор, метнули желтые искры, - знаешь, где грех совершается? В сознании. Сначала там. Всё происходит там. Корни идут туда. Оттуда все наши поступки. Настоящие мы - там.

Она прикусила нижнюю губу, долго и широко смотрела на меня. Вдруг улыбка быстрой змейкой пробежала по её губам. Она резко встала, закинула за спину руку: раздался плачущий звук потревожен-

ной молнии, и узкое платье, разламываясь надвое, открыло острые плечи. Не подняв желтоватых глаз с меня, она старательно выбралась из теснившего её тело платья наружу, и, бросив его у ног, осталась в одних плавках.

Было странным, что белеющая узенькая полоска материи на смуглом и загорелом теле не позволяла сказать, что она осталась обнаженной.

Поочередно приподнимая и сгибая то одну, то другую ногу, она сняла плавки. Они неслышно маленьким комочком упали на платье и белым крошечным островком остались лежать на чёрной луже разлившегося шелка. На месте их появился след незагорелого тела и маленький клочок чёрных волос, похожий на треугольник. Затем она резко выдернула из прически заколку, и гора густых волос рухнула к её ногам. Она походила на языческую жрицу друидов. Медленно подойдя ко мне, она взяла меня за руки и, потянув на себя, подняла.

- Ни слова. Я хочу всё сделать сама.

Она неумело и торопливо стала раздевать меня. Её тонкие руки нервно дрожали, путались в рубаше и брюках. Легкие капельки влаги выступили у ней на верхней губе.

- Интересно, как будет с тобой? - с зачарованным любопытством прошептала она.

Я смотрел на неё и не произносил ни звука...

Рано утром, чтобы не тревожить соседей и остаться незамеченным, я тихо покинул милый дом.

Чтобы попасть в общежитие, мне пришлось долго стучать в дряхлые, полуразрушенные двери. Древние, в чем только душа держится, обычно по вечерам не по возрасту бодрые и любопытные, вечно недовольные вахтёрши - эти вездесущие каналы, по утрам вдруг оказывались больными и неповоротливыми. Кто жил в студенческих общежитиях, знают, какое нужно иметь терпение и мужество, чтобы преодолеть искушение, какое не смог преодолеть в своё время Раскольников. Шутка, конечно, но вот из таких шуток и складывается студенческая жизнь. Вот одна из представительниц такой номенклатурной прослойки, жёлая испортить мне настроение или поиграть на нервах, долго шарила в дверях, ворча и собирая всех святых и не святых в одну кучу и бросала их в меня.

В комнате я увидел обычную картину. Царапая рыжую грудь, на кровати сидел Игорь и жадно глотал из кефирной бутылки воду. На другой лежало что-то вроде кучи, накрытое одеялом. Вместо приветствия Игорь на секунду оторвался от бутылки и умиротворённо рыгнул. Я спросил о проведённом вечере, Игорь сообщил, что Костя, как

обычно, заболел асфальтной болезнью. Было ясно, что куча на его кровати не пошевельнется до вечера.

Непонятное чувство мучило душу. Я подошел к окну и стал смотреть на белеющие от рассвета улицы. Отдохнув от душной ночи, город, просыпаясь, умывался накрапывающим мелким дождичком. Он походил на прилежного школьника, смирно сидевшего за партой в ожидании учителя. Мне казалось, что я сижу с ним рядом. Мы задумчиво смотрим на доску и тут только замечаем, как, старательно выводя буквы, учитель пишет какое-то слово. Мы с интересом следим за его рукой, и вдруг он поворачивается к нам лицом и торжественно объявляет:

- Любопытство...

Игорь перестал пить, удивленно уставился на меня. Даже куча на Костинной кровати вдруг ожила и заворочалась. Из неё показалось помятое, с признаками асфальтной болезни, лицо. Наставив на меня нетронутый болезнью глаз, лицо громко спросило:

- Причем тут любопытство?..

БЕСИДИАДА

рассказ

Н.К. посвящается

Помню, был праздник, а может и не праздник, а так, обыкновенное собрание, а может и не собрание, точно не помню, но лишь из уважения к читателю, положила на сердце руку, скажу – был просто обед. Конечно, не совсем обед, но без преувеличения могу сказать, тут я ручаюсь за точность, вышло блюд на одно, два поболее обыкновенного. И опять же, вполне искренне и честно, и только из любви к читателю, от всей души своей, открою, что вот тот самый обед, с непривычки, разумеется, я и принял за праздник.

Ну ладно, Бог тому обеду или празднику судья, дало не в нем. Скажу вот о чем, компания образовалась, хоть и небольшая, но люди подобались исключительно порядочные и уважаемые. Умолчу, каких они были чинов и слоев, думаю, читатель поверит мне на слово, что собрание состояло абсолютно из достойнейших и порядочнейших людей.

Так вот, начну с того момента, когда бутылки с бокалами были уже пусты, а тарелки с чашками и прочей утварью, чисты, что даже бедным мухам и тем нечего было клонуть, а почтеннейшее собрание уже

было примастырилось отдохнуть, как тут случилась одна странность. Меньшие наши братья, изумленные и раздраженные таким порядком на столе, недовольно полетали, пожужжали над чистым, как только что выбритые щеки бизнесмена, столом, дружно покусали своих виновников, и с обидой на душе вылетали во двор. Конечно, эта публика была потрясена до глубины мушьеи души своей, разумеется, и их понять можно, но каково нам, почтеннейшим согражданам, когда обнаруживается, что вслед за ними исчезают и наши женщины.

Теперь представь, мой дорогой читатель, что случается после того, когда исчезают, и главное Бог знает куда, более того, из приличного общества, и мухи, и женщины? Буквально сразу на их месте образовывается такая тишина, что всем стало как-то неловко. Нет, другим, конечно, может быть и ловко, но я еще раз упомяну, что собравшиеся были людьми исключительно порядочности, и как всякие порядочные, естественно, не могли не почувствовать и не испытать на себе всю неловкость образовавшейся тишины.

И вот в такой неловкой тишине, само собой разумеется, у каждого порядочного человека родилось чувство неловкого чувства. Все это так и было, уверяю вас, а в дальнейшем это неловкое чувство выросло до таких размеров, что решительно у всех, в том числе и у меня, возникло другое чувство – как избавиться от этого чувства. И я убежден, что именно от этого неловкого чувства все вдруг с радостью вспомнили о женщинах, тем более что их действительно с нами не было. И все были почему-то убеждены, что они, как и мухи, тоже были на дворе.

Нет, а почему, собственно, спросите вы, они должны быть на дворе? А где же им еще быть? Ответит вам каждый порядочный. Если стол, как и полагается, после порядочных людей был чист, то вполне естественно, и мух и женщин он решительно не мог уже интересоваться. Нет, не подумай дорогой читатель, что благородное собрание могло подумать, что женщин кроме стола ничего не интересовало, нет, их интересовало, конечно, я в этом убежден, более того и все думаю, тоже были в этом убеждены, что интересовало, но вот, что их интересовало? Это то и заинтересовало каждого порядочного. Непорядочного, естественно, не заинтересовало бы.

И вот как только благородное собрание это заинтересовало тут-то все и началось. Все друг у друга вдруг начали спрашивать, как будто не о чем больше было спрашивать. Нет, было, конечно, о чем спрашивать, но благородное собрание, не стало ни о чем спрашивать, как только об этом спрашивать.

- Странно, куда это наши женщины подевались?
- Действительно странно...

Все тревожно стали переглядываться. А один, очень честный, нечестному, разумеется, такое и в голову бы не пришло, спросил:

- А что, интересно, они одни там поделявают?
- Где это там, интересно?
- Ну, где-нибудь, там...
- Действительно интересно...

Другой, тоже очень честный и порядочный, что интересно, то ли спросил, то ли сообщил...

- А одни ли, интересно...

- Как?! - с эсхатологическим страхом ахнуло собрание. Не порядочное, может быть, и не ахнуло бы, и ухом не повело бы, а порядочное ахнуло и повело.

- А с кем, интересно?!

Как во всякой порядочной семье найдется один урод, так и во всяком порядочном обществе найдется один непорядочный, так нашелся он и среди нас. Ни с того, ни с чего, начал вдруг всех успокаивать.

- Друзья, - вежливо, конечно, это напускное у таких, прилежно прижимая к сердцу руки, сочувственно запел, - успокойтесь. ничего с вашими женщинами не случится, если уж...

Тут он замолчал, и как-то искренне и странно смутился, таким это свойственно, и что всем бросилось в глаза, так это его искреннее смущение. Каким бы он скрытным не был, но своего волнения он все же скрыл. Все это заметили, и дружно возмутились.

- Что значит если?
- На что это, вы намекаете?
- Успокойтесь, друзья, это я, так... не подумайте...
- О чем собственно мы должны не подумать, а?
- Вы не так меня поняли...
- Не так? А как? Договаривайте...

Дружно стали настаивать собравшиеся и даже немного приблизились.

- Я очень уважаю ваших женщин, и ничего такого...
- Какого такого... договаривайте...
- За что это, интересно, вы их уважаете, а? Договаривайте...
- Договаривайте, договаривайте...

Более настойчиво потребовали собравшиеся, и еще ближе приблизились.

- Ну, хорошо, - сдался он, и уступчиво выдохнув, сел в кресло. Достал трубку, и его тонкие пальцы неторопливо стали набивать ее табаком. Закурив, он пыхнул дымком, повторил, - ну хорошо.

Все внимательно смотрели на него. И только после второго "ну хорошо", приутихли и стали рассаживаться по своим местам. Он не-

которое время задумчиво молчал, прикрыв глаза, напуская на себя туман. Его тщедушная фигурка мало помалу окутывалась синеватым дымком, пока совсем не спряталась в плотной тучке. Лишь острые колени, торчавшие из нее сломанными прутиками, говорили о его существовании.

- Ну, хорошо, - ожила вдруг тучка, и нежным ручейком полилось из нее вежливая речь.

"Помнится некоторое время назад, случилось мне быть в одном местечке. Края незнакомые, да и я, впрочем, незнаком был им. И только стоило мне там появиться, как и водится для человека нового, узнал я о тамошнем факте. Прелюбопытнейший, скажу я вам, и необыкновенный оказался факт, для нашего времени, и признаться глубоко меня заинтересовал. А состоял он в следующем. Объявился, как и когда, никто толком не знает, в тех местах поп. Конечно оно вроде и ничего, поп как поп, дело житейское, пожалуйста. Но факт в том и состоял, что поп тот не совсем как поп, а вроде как не телесных дел мастер. Водятся среди попов особого рода попы, толи житие свое к нежитию подвязывают, толи нежитие к житию, толи с житием или нежитием своим завязывают, словом одному Богу ведомо, что к чему и от чего почему. В общем, возжелал тот самый поп стать особым попом, и начал он у Бога на виду чаще других попов бывать, конечно, не с пустыми руками, но с делами особыми к нему нет-нет, да объявится. Оно вроде, как и ничего бы, но мимоходом, не нарочно как бы, не забывал и на чин намекнуть, мол, нет мочи больше в простых попах хаживать, пора бы, Господи, и милостью расщедриться, сколько уж дел угодных Тебе натворил. Послушанием терпеливым гордыню укротил, и смирением кротости большой достиг, и постами многими тело очистил, и в молитвенном стоянии преуспел, и безмолвие на уста накладывал, чем язык от празднословия лукавого сберег, и много, много еще он подвигов подобных совершил для этого, что и не перечесать всех... Даже поговаривали, будто он небесную братию подбивал, чтобы та перед Всевышним о нем хлопотала, и непременно б передала Вседержителю, что, дескать, нет в этом мире соблазна, который он не превозмог бы... Ну та, разумеется, и похлопотала, и передала... Словом добился поп своего, стал особым попом, пожалован был силой крепкой. Сказывали, что даже бесы, черти по-нашему, и те побаиваться стали дел бестелесных его. И если заведется где, сразу его кличут. А как проведает нечисть, что за ним присылают, так и вон со двора не дожидаясь. Так натворил он великое множество чудес разных, за что и наречен был чудотворцем.

Оставив дела, отправился я посмотреть на тот факт, тем более что и церковь была рядом, и празднику выпало какому-то быть. И как

раз на мой день появления, это я потом уже узнал, поступила, никто толком не знает, как и откуда, на службу церковного хора регентом некая особа. Была она из тех редких особ, впрочем и не из редких вовсе, таких много, но водятся среди прочих такие, которые ничем вроде бы и не замечательны, но есть в них нечто замечательное, что заставляет их замечать. И самое замечательное, что в чей замечательно, это я потом заметил, так это ее нос. Нос как нос, вроде у всех они, даже и получше бывают, а у нее вроде как не такой. Наставит его на тебя, и кажется, что им с тобой разговаривает. И такое чувство, что она им даже и видит, и слышит. А сама ни слова, вот в чем дело то. Но что странно из всего этого, так это то, что ты ее понимаешь, и даже лучше, кого мне вообще доводилось понимать. Пре-страннейший, скажу я вам экземпляр. Называли все ее почему-то Кузя. Было ли это имя или название, и откуда оно никто толком не знал. Я даже нарочно справлялся об этом, но тщетно. Признаться мне самому впервые за всю мою жизнь довелось встретить подобный индивид

Словом, вхожу я во храм с чувством трепетного и благоговейного ожидания. Все чинно, благопристойно, ничего особенного, клирос безнадежно хныкал над часами. Народишко тут же, редко крестьян, молился. Пока я, ожидая, рассматривал храм, клирос с горем пополам доплакал последний час. Вдруг, толи снизу, толи сверху, словно из пустыни чей-то одинокий голос устало позвал "паки, паки" и словословие тонкими завитушками, кружась и кучерявясь, поплыло с балкона по храму. Засим вспыхнул свет, и медленно отворились врата. В них стояла в облачении мучного цвета, с дымящимся кадилом, узенькая, слежавшаяся толи от долгого времени, толи от тяжелого бремени, фигурка, походившая на порожний куль, над которым на длинной шейке торчала блестящая с жиденькой бородашкой и с моргающими глазками голова. На гладкой лысине безмятежно полеживали огоньки. Признаться его вид меня расстроил, и я усомнился в своих ожиданиях, и мало помалу стал терять надежду хоть на маломальское чудо. Куль снова позвал "паки, паки", и, стряхнув с себя пыль, толи времени, толи бремени, ожил, помахал в одну сторону кадилом, засим в другую, и как-то не свойственно своему виду, бросая во все стороны комки сероватого дыма, резво побежал по храму. Толпа, толкая друг друга, только успевала расступиться. Подбегая к святым образам, остервенело кидал в них самые большие комки, казалось навсегда хотел залепить их, толи глаза его на них не могли уже больше смотреть, толи их глаза его не хотели уже больше видеть? Балкон тем временем ладно ему подпевал. Остановившись перед ним, он размахнулся, хотел видимо и в него запустить святым

колобочком, да так и застыл с поднятым кадилом и разинутым ртом на месте. Задрал, истерзанную подвижнической жизнью бороденку, он смотрел на балкон, как на явленное ему откровение, что не заметил, как любопытные молодые мушкетеры начали слетаться на его рот. Садясь, они осторожно, но с большим интересом заглядывали в него. По лысине возбуждено забегали огоньки. Кузя, ни о чем, не ведая, увлеченно махала ручками, голоса благодарно щебеча налету ловили каждое ее движение, словно прожорливые воробьи семечки из рук расщедрившейся торговли. Но вот ручки ее взлетели, и остались на воздухе. Голоса недовольно стихли, и все повернули головы к кулю. Тот, словно упавший с росписи храмового свода ангел белый и блестящий, с горячим взором и блаженно разинутым ртом, засиженный мухами, благоговейно взирал на балкон, как на второе пришествие. Все головы подняли вверх. Я тоже последовал за ними и чуть не вскрикнул от удивления. Надо мной стоял нос в черной и круглой, как труба юбки, а под ним блестела узенькая полоска беленьких трусиков. Образовалась такая тишина, что даже мухи, уже было, разрезавшись, как кони на луку в лохматом рте, ошарашенные ее тяжестью дружно поднялись и вылетели вон. Нос посмотрел на меня и понимающе подмигнул. Я не поверил своим глазам. "Что за чертовщина" мелькнуло в голове. В ответ нос улыбнулся и опустил ручки, опустилась и юбка, исчезли и трусики. Откуда-то появился служка и ткнул куль в бок, тот очнулся и как из леса по-русски заорал, "е-е-е-е, е-е-е-е" ... Залетали по воздуху ручки, запрыгала на тонких ножках юбка, замелькали белой полоской трусики, зачирикали воробышкой стайкой голоса хора. Народ тупо закрестился. Куль, не отрывая глаз от балкона, побежал, не разбирая дороги по храму, куда попало кидая дым. Но тут угодил бородой в колонну, подпирающей свод. Гора пыли и дыма поднялась над упавшим кулем. Снова появился служка и вытянул его за ноги из кучи, закинул на плечо, и скрылся с ним и кадилом в дверях алтаря. Все стихло и угасло. Я покинул церковь с чувством глубокого смущения. Весь день и вечер я просидел в своей комнате и плохо спал ночь. Лишь под утро меня сморил крепкий сон. Мне снился нос, церковь и толпы народа. Все куда-то мчалось и несло. Нос стоял над ними и кричал: "смотри, смотри". Я ничего не мог разглядеть. Все еще быстрее завертелось и полетело. Тогда он взял меня от земли и поставил на храме. "Смотри", - повторял он. Я стал всматриваться и мне открылась земля от края и до края, а на ней люди. Их было так много, что я не мог никого различить. Все они бежали, кричали и спорили. "Что они делают?", - спросил я. "Себя ищут", - ответил он. Когда я увидел дерущихся, то спросил его: "Почему они дерутся?" "Каждый из них хочет быть первым". Когда я

увидел ссориавшихся, то спросил его: "Почему они ссорятся?" "Каждый доказывает, что он лучше другого...". Когда я увидел подсматривающих, то спросил его: "Почему они подсматривают друг за другом?" "Грехи друг у друга ищут". Потом над их головами появился куль, стал громче всех кричать и доказывать, что он лучше всех, и все должны влюбиться в него и, пойти за ним, затем он пошел по их головам к церкви, сел на престоле, и многие пошли и стали кланяться ему в пояс, и целовать его в лицо. Поцеловав, отходили и плевали на землю, и снова принимались драться, ссориться и подсматривать. И так снова и снова все повторялось. Тогда я спросил: "Почему они кланяются ему и целуют его, а поцеловав, плюют на землю, и снова принимаются драться, ссориться и подсматривать друг за другом? Не поцелуями ли они любят его? И не поклонами ли почитают его?" Он сказал: "Ты все видел. Иди и расскажи всем". Проснулся я от тревожного звона колоколов. Я немедленно собрался и вышел. Колокола беспокойно продолжали звонить. Народу собралось намного больше. В храм мне пришлось пробираться сквозь густую толпу. Когда я оказался в нем, куль уже закидывал последний образ. Отдав кадило службе, он воздев персты к своду, запел "Слава показавшему...", ноглянув на балкон, не допев, рухнул с воздетыми перстами и открытым ртом на колени. Мужики только этого и ждали — роем кинулись к его бороде. Толпа ахнув, повалилась на колени. Я посмотрел наверх и обомлел — на меня смотрел нос и сердито спрашивал: "А ты, что стоишь?" Я невольно перекрестился и меня какая-то сила тут же вынесла из храма. Очутившись на улице, я поспешил к себе, заперся и уже более не выходил. Несколько раз я начинал укладывать вещи с необратимым желанием уехать, но всякий раз меня что-то останавливало, и я оставался. Я промучился всю ночь, но так и не сомкнул глаз. Утром лишь заслышав умирающий стон колоколов, поспешил в церковь. Уже издали увидел толпы народа, обступивших ее. Колокола умоляюще звали к себе. В церковь никто не заходил, но народу собралось, какой только был в городе на сей час, и продолжал подходить. Оградив себя крестным знаменем, я протиснулся сквозь густую толпу к окну и заглянул в него. То, что я увидел, меня поразило. Все образы уже были старательно закиданы и искусно замазаны. Ни один лучик взгляда ни пробивался сквозь плотный дым. Голый нос ходил по храму, за ним с Евангелием в руках куль. Засим они вошли в алтарь, нос торжественно сел на престоле, куль опустил перед ним на колени, открыл Евангелие, перевернул его вверх ногами и стал читать. Толпа, ахнув, отхлынула от окон. Звуки колоколов смолкли, будто их прихлопнули. Нос посмотрел мне прямо в глаза и закричал: "Не смотри!" Он совсем не походил на тот, который снился мне. В

ответ на мое удивление он зло засмеялся. Я в ужасе побежал к себе. Я никогда не видел, чтобы нос смеялся. Я тут же собрался и выехал из того места, с мыслью, что уже никогда туда не вернусь. До сих пор не могу забыть своего пребывания там и браню себя за интерес к чудесам. Мало помалу я уже стал было забывать об этом, и даже обрел некоторый покой в душе. Но однажды мне все же выпало снова оказаться там. И конечно я не мог изменить себе, и по приезде туда, тотчас принялся наводить справки о том факте. Но как оказалось, что ни о каком таком факте никто и вовсе не знает, более того, никто и слыхом-то не слыхивал о нем. Меня это удивило, и я решил пойти в церковь, но и она, как не странно, оказалось закрытой, хотя и был какой-то праздник. Тогда я стал интересоваться, по какой причине нет в ней службы. Но и тут мне толком никто не объяснил. Узнал лишь то, и опять же это только слухи, что кто-то, когда-то, слыхал, что объявился в ней некогда, как, когда и откуда, никто толком не знает, некий поп, странный такой, ни имени, ни звания его никто не помнит, и то правда это или нет, обзавелся тот самый поп, тайком разумеется, от служебных дел своих, носом. Вроде бы и ничего примечательного в этом нет, многие обзаводятся ими и ничего, но в том-то все и дело, и опять же это только слухи, после этого, то ли он так и остался с носом, то ли без носа, то ли он на пару с носом оставили церковь с носом, точно я так и не узнал. Но самое замечательное в этом любопытнейшем факте, так это то, что в церкви после них перестали водиться и попы, и денежки. И даже сторожем пробовали обзавестись, но и тот куда-то пропал..."

Он закончил свой рассказ, вышел из облачка, надел шляпу и ни на кого не глядя, вышел. Остались туман и тишина. Сгорая от любопытства, я поспешил за ним с кучей вопросов в голове. На узкой тропинке, ведущей со двора в темноту, я догнал его, он остановился и, не оборачиваясь, спросил:

- Вы хотите знать, зачем я все это рассказывал?
- Да, конечно, именно этот вопрос более всего меня мучает...
- А сами как считаете?
- Право, не знаю, как и подумать...
- Так узнайте...

Он шагнул в темноту и исчез. Я некоторое время стоял в растерянности, к гостям идти не хотелось. Было темно и прохладно. Я плотнее укутался в плащ и направился к себе...

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

рассказ

Судебный пристав Колбаскин не умел ни дать, ни взять, и чрезвычайно от этого страдал. Словно на лбу у него было написано, что он может дать, и что он может взять. И поэтому, думал Колбаскин, ему никто не давал, и никто у него не брал. Даже мало-мальски читающий человек, посмотрев на Колбаскина, мог сразу определить, что с него можно взять, и что ему можно дать тогда. Колбаскин сделал вид, что он тоже может и дать, и взять. Но ему по-прежнему никто не давал, никто у него не брал. Тогда он начал сам давать, и сам брать. Но и после этого никто ему не давал, и никто у него не брал. Плюнув на все, Колбаскин и подался в алкоголики. Пропил все. И когда у него ничего не осталось, что он мог бы дать, и что он мог бы взять, тогда он понял, что с него можно было взять, и что ему можно было дать. И когда он это понял, то тут-то и стали посещать его пустой и одинокий дом блаженные звуки.

"Откуда они здесь?" Однажды подумал Колбаскин и стал искать их. Они то слабели, то усиливались, то захватывали и завораживали, оставшуюся одну с ним его душу, кружа и унося ее с собой, то оставляли и отпускали, опьяняя сладким ароматом своего звучания.

Колбаскин догадался, что они идут от печки, он осторожно подкрался к ней и с интересом заглянул в духовку.

- Ба-а-а, - обрадовался он симфоническому оркестру, который в полном сборе с дирижером вместе, и как положено во фраках и белых рубашках с бабочками, разместился в ней, - это вы здесь?

Дирижер обернулся к Колбаскину и по-свойски мигнув, ответил:

- А кто же еще?

- Не может быть?

Колбаскин было смутился, но счел за плохой тон показаться не гостеприимным, по-отечески погрозил пальцем.

- Экие вы каналы, откуда вам здесь быть?

Дирижер снова обернулся, закинул остренький чубчик на маленькие рожки, засмеялся. Засмеялся и оркестр.

- Сам знаешь, откуда...

- Откуда ж мне знать, - искренне удивился Колбаскин, - черти вы полосатые...

Оркестр снова засмеялся.

Дирижер взмахнул палочкой и оркестр грянул Сальери.

- Что вы мне играете, - возмутился Колбаскин и хлопнул духовку. Недовольный заходил по кухне, - нашли что играть, - засим остыл, открыл дверцу, и примиряюще сказал, - черт с вами, играйте.

- Что прикажите играть, - любезно спросил дирижер, поправляя на шее бабочку, - может Моцарта?

- Моцарта? – удивился Колбаскин. - Хмы, а впрочем, - он понимающе пожевал губами, согласился, - можно и Моцарта.

Он торжественно сел в кресло, закинул ногу на ногу, глотнул из стакана грамм несколько водочки, полюбопытствовал:

- Скажи, любезный, а правду говорят про его историю с Сальери?

- Голая правда, сир...

Ответил дирижер, махая палочкой.

Колбаскин закинул руки за голову, блаженно прикрыл глаза, вытянул ноги и утонул в сладких звуках, уносивших его и его верную душу в божественный мир моцартовской музыки...

На службу Колбаскин опоздал. У кабинета его встретила длинная, нервная очередь.

- Вы Колбаскин?

Спросила с напряженной надеждой очередь.

- Какой я вам Колбаскин, болваны, - вспыхнул Колбаскин, - я вас спрашиваю, какой?! – Набросился он на нее.

- А кто вы?

Удивилась очередь.

- Я Моцарт, - отрезал остолбеневшей очереди Колбаскин.

- Тогда мы все Сальери, - ехидно пошутила очередь.

- Сальери?! – Возмутился Колбаскин и зло захохотал, вы накрахмаленные воротнички его, - он высунул язык и показал его очереди. - Ме-ее-е, вот вы кто...

Та в ответ засмеялась. Колбаскин взорвался.

- Вы, что думаете, я не могу дать, и не могу взять?

Очередь снова остолбенела.

- Могу, - он взял пожарное ведро, висевшее тут же, и дал им одному из бывших по голове, - на!

Очередь, ахнув, отхлынула.

- Э-э-э-х, - от всей души дал он еще одному из бывших.

- Очередь побежала, Колбаскин за ней.

- Э-э-э-х, - гнался он за очередью, и щедро давал.

У него кто-то из бывших выхватил ведро и дал ему.

- На!

Колбаскин упал, и ему так же от всей души начали давать.

- На тебя, на!

Тут он понял, что он может дать, и что он может взять...

Дома он открыл духовку и заглянул в нее. Оркестр ежась, потирал руками и постукивал копытцами.

- Замерзли, чертенята? - ласково поприветствовал их Моцарт.

- Тебя только и ждем.

Моцарт затопил печь. Дирижер сочувственно удивился.

- Ого, сколько тебе дали...
- Да-аа-уж, - скромно ответил Моцарт.
- Зачем брал?
- Как же не взять, раз дают?
- Логично...

Они помолчали.

- Скажи, любезный, - прервал молчание Моцарт, - совместимы или нет гений и злодейство? Дай ответ.

- Ответа нет, - сказал дирижер.
- Тогда играй.
- Что играть?
- Сам знаешь...
- Все уж сыграно...
- А реквием...

Дирижер взмахнул палочкой, и оркестр грянул реквием. Моцарт сел в кресло, закрыл глаза, блаженно потянулся, и полетел вместе с душой – верной своей подругой, подхваченный божественными звуками своего гения...

ГЛАВНОЕ, ЧТОБЫ НЕ БЫЛО ДОЖДЯ

рассказ

Едва продрал глаза от сна, Минька подумал: "Главное, чтобы не было дождя". Он был уверен, что только дождь может помешать ему пойти сегодня на рыбалку. "Главное, чтобы его не было". Он долгим, выжидающим взглядом посмотрел на окно. На длинных толстых шторах играли первые солнечные лучи.

Минька обрадовался им, быстро прыгнул с кровати и, шлепая босыми ногами по голому полу, подбежал к окну. Он резко отдернул шторы и распахнул его. С улицы в лицо Миньки пахло свежим утренним воздухом, который доносил из растущего под окном сада, запахи яблонь и черемухи.

"Ура! - чуть не закричал от радости Минька, - нет дождя!" Он довольный и счастливый высунулся из окна.

На улице было тепло и тихо. Только иногда, нарушая тишину, мимо окна проносились юркие пятнистые оводы. Один стукнулся о стекло, упал на подоконник и яростно жужжа, завертелся на месте.

Минька не любил оводов. Он на себе испытал их злые укусы. И не раз ему приходилось на речке прыгать от них в воду.

Но сегодня он был в настроении и совсем не думал об этом. Он с интересом смотрел на безобидные движения овода. Затем взял его за крыло, погладил пальцем по бархатной спинке и посадил на подоконник. Овод отполз, расправил крылья и, миролюбиво жужа, вяло полетел к лесу...

От Минькиного дома бежала узенькая, едва приметная в траве, тропинка. Минюя небольшой лесок, она подбегала прямо к ферме и к новым, недавно выстроенным домам.

Много понаехало в те дома незнакомого, нового люда. Ферме требовались рабочие. Люди приезжали из разных мест – устраивались, кому нравились здешние места и работа, оставались. Даже многие из местных шли работать на ферму и тоже оставались там.

Минькина мать, уже как год, работала на ферме. Она познакомилась там с молодым врачом, который, как и многие работники, фермы, был приезжим и жил в новых домах. После чего он часто стал бывать у них в доме. Минькина мать, когда он приходил, становилась веселой и нарядной. Она быстро собирала на стол, садила дядю Колю, так звали врача, и Миньку на почетные места, а сама с особым усердием принималась ухаживать за ними. Миньке нравилась эта торжественность и то, что мать за это время, как познакомилась с дядей Колей, стала добрее и даже красивее. Она не так часто стала загонять Миньку с улицы домой, перестала запрещать ему есть много сладкого. И Минька с большим удовольствием, сколько желала его душа, ел конфеты, которыми его всегда угощал дядя Коля.

Миньке нравился дядя Коля. Он всегда был веселым и много знал разных историй, которые Минька слушал с разинутым ртом. Мать смеялась и просила Миньку закрыть рот. На что Минька, смущенный замечанием матери, закрывал рот, но все же продолжал с интересом слушать рассказы дяди Коли.

Отца своего Минька не помнил. Много раз спрашивал он у матери об отце и всегда слышал: "Нет у нас с тобой папы, ушел он". А на лишние вопросы мать отвечала: "Вот вырастешь, сыночек, большой и все узнаешь сам". На том и заканчивались беседы Миньки с матерью об отце.

Сегодня Минька встал пораньше. Он ждал дядю Колю. Он радовался хорошей погоде и тому, что дядя Коля наконец-то пообещал взять с собой на рыбалку Миньку – на шук. Минька давно мечтал посмотреть, как дядя Коля ловит на живца шук, а вчера вечером, уходя домой, дядя Коля сказал Миньке:

- Ну, что, старина, если завтра не будет дождя, так и быть, едем!

Минька, улыбаясь во весь рот, долго тряс от радости обеими ручонками дядя Колину тяжелую ладонь.

- Только смотри не проспи.

Дядя Коля легонько потрепал Минькины кудри и уже в дверях бросил:

- Главное, чтобы не было дождя!

Минька мигом забрался в постель, но заснуть не мог. Он боялся, что завтра снова будет дождь и ему не удастся увидеть настоящих живых щук. Он долго ворочался и, лишь урывками засыпая, прокоротал, как ему показалось, эту самую длинную в его жизни ночь.

...И вот сейчас проводив глазами овода он внимательно стал вглядываться в тропинку, надеясь увидеть идущего по ней дядю Колю с рюкзаком и удочками. Но по ней никто не шел. Лишь после вчерашнего дождя влажная почва тропинки курилась на солнце легкими, чуть заметным испарением. У Миньки сжалось сердце. "Неужели дядя Коля не придет? Ведь я пообещал ему встать пораньше и встал, а он..." Минька обиженно махнул рукой, слез с подоконника и, понуря голову, прошел в комнату матери.

Мать, отвернувшись к стене, спала. Минька тронул ее за плечо, позвал:

- Mam, а мам.

- Что тебе, Минь?

Мать повернула к сыну заспанное, удивленное лицо.

- Что такую рань поднялся?

- Mam, дядя Коля правду сказал, что зайдет за мной на рыбалку?

- На рыбалку? На какую рыбалку?

Мать еще больше удивилась, но, вспомнив вчерашний разговор Николая с сыном о рыбалке, поняла, о чем идет речь, и не слушая больше стоящего перед ней сына, отворачиваясь, сказала:

- Иди лучше спать.

Миньку взяла досада на мать за то, что она спит и ей все равно до того, пойдет он ловить щук или нет. "Эх, дрыхнет, мамшина" – только и подумал про себя Минька. Он грустный вернулся к окну, влез на подоконник, уселся на нем поудобней и в надежде, что дядя Коля еще придет, стал ждать. Но дяди Коли не было.

Солнце давно уже поднялось, и тени от деревьев стали короче. Мать встала и ушла на огород.

Минькин друг, белобрысый, шустрый мальчишка, ловко сиганув через небольшую ограду Минькиного дома, заложил два пальца в рот, свистнул. Минька выглянул во двор и увидел в листе черемухи белую голову друга Васьки. Тот махнул рукой, крикнул:

- Айда на речку...

- Не-е-е...- замотал в ответ головой Минька.

Васька, удивленный отказом друга, влез на завалинку и, просунув голову в окно, стал уговаривать:

- Ты чо? Все пацаны давно на речке, а ты дома...

- Я сказал не пойду, значит не пойду, - резко перебил друга Минька.

В голосе друга Васька уловил нотки злости и раздражительности. Он в замешательстве смотрел на него. Миньке захотелось вдруг рассказать Ваське, как дядя Коля пообещал взять его на рыбалку, а сам не пришел, но, подумав, что дядя Коля может быть заболел или ему

некогда, промолчал. Ему не хотелось понапрасну наговаривать на человека. Он посмотрел на выгоревшие от солнца Васькины брови, которые белым пушком застыли у него на лбу, уже миролюбиво и тихо добавил:

- Ты иди, Васьк, а я не пойду.

Васька только моргнул поросячьими ресницами, соскочил с зава-
лилки и, не говоря ни слова, побежал прочь.

Минька посмотрел вслед удаляющейся голове друга, которая белой кочкой малькнула несколько раз в зеленой листве и исчезла за забором.

Вскоре с огорода воротилась мать и позвала Миньку есть.

Она пододвинула ему чашку круглой, только что сваренной картошки, которая клубясь паром, вкусно пахла. Минька любил круглую, рассыпчатую картошку, но сейчас ему ничего не хотелось. Он нехотя ткнул вилкой первую попавшуюся ему на глаза картофелину и, так и не попробовав, вылез из-за стола.

Вечером пришел дядя Коля. Как всегда наглаженный и веселый. Он учтиво поздоровался с матерью и лихо, как товарищу, кивнул головой Миньке. Затем вытащил из кармана горсть, в золотистых бумажках, конфет и протянул их Миньке. Минька, не замечая протянутой руки, смотрел в улыбающееся лицо дяди Коли.

- Ты, почему не зашел за мной на рыбалку? – Каким-то не своим, приглушенным голосом выдавил из себя Минька.

- На рыбалку? – Дядя Коля сделал удивленное лицо, а потом, вспомнив о вчерашнем разговоре, сочувственно вздохнул, - эх ты, рыбак! На, держи! Это, я думаю, лучше всякой рыбалки, - но видя, что мальчик не берет конфеты, примиряюще заговорил: - Ну не зашел, так что? Подумаешь, беда какая... Ну, забыл я, забыл про тебя, понимаешь... Да ты не сердись, старина, на, держи! – Он снова подставил уже под самый нос Миньки здоровенную горсть с конфетами и, продолжая улыбаться, говорил: - Подумаешь, беда какая – не зашел! – но Минька уже не слышал, что говорил дядя Коля дальше. Он видел лишь шевелившиеся в улыбке его губы. Ему вдруг стало тяжело и больно. Он первый раз в жизни почувствовал, как горькая обида сдавила ему грудь. Мокрый туман стал наползать на глаза. Он почувствовал, как что-то соленое появилось у него на губах и сжало горло. Резко повернувшись, он бросился бежать в комнату, упал на кровать и уже не в силах больше сдерживать себя от слез, заплакал.

Плача, Минька выкрикивал:

- Обманул! А говорил – главное, чтобы не было дождя!

ЧАПА

рассказ

Визг тормозов и резкий толчок остановившейся машины заставили очнуться почти задремавших от плавной езды пассажиров "Жигуленка".

Водитель - мужчина лет сорока пяти - увидел, как впереди что-то мелькнуло и еще миг попало бы под колеса. Сейчас волнуясь, он резко толкнул дверцу и вылез из машины. За ним последовали остальные.

Почти у самых колес, втягивая голову, покачиваясь на еще неокрепших ногах, стоял вороненок. Как ни в чем не бывало, он с любопытством рассматривал окруживших его незнакомых существ. Не чувствуя никакой опасности, он подошел к ближайшему из них и попытался клонуть, но получилось что-то вроде толчка, на что существо издало громкие и ничуть не угрожающие, а наоборот - веселые звуки.

Петр Егорович - водитель - хотел взять вороненка в руки, но тот отскочил, панически защелкал клювом и замахал крыльями.

- Осторожней, Петя, - воскликнула жена Петра Егоровича.

- У него крыло сломано, - и наклоняясь к нему, запричитала: - Ох, ты, бедненький, иди ко мне. Иди, не бойся, - Она осторожно взяла вороненка на руки. Тот не сопротивился и легко дался ей в руки.

Так состоялось первое знакомство птицы с человеком. Так он первый раз почувствовал тепло человеческих рук, закрыл глаза и, уверенный в том, что ему ничто не угрожает, успокоился.

- Видно, давно из гнезда, почти сразу заснул. Птицы тоже все понимают, - ведя машину, рассуждал вслух Петр Егорович.

- Природа она, брат, такая - не пожалеет. У ней ведь - кто кого. Во всем любит порядок. Без дела у ней не шатайся. Сразу к рукам прибегает. Этому посчастливилось: попал к людям, - он покосился на уснувшего в руках жены вороненка и немного помолчав, как бы раздумывая, сказать или нет, медленно, словно открывая какой-то секрет, начал: - Я недавно прочел книгу Чарльза Диккенса, там он пишет, что ворона очень мудрая птица...

- О! Я придумал! - неожиданно перебив Петра Егоровича, воскликнул один из пассажиров.

- Что придумал? - Петр Егорович повернул к нему удивленное лицо.

- Я имя ему придумал!

- А-а, - успокоившись и снова следя за дорогой, произнес шофер.

- И какое же?

- Щапа! Щапонька! - затараторил пассажир, произнося вместо "Ч" "Щ".

- Чапа, что ли? - уточнила жена Петра Егоровича.

- Да, да Щапонька! Щапа, - подхватил он и засмеялся, довольный своей выдумкой.

Так, вспоминая и рассказывая друг другу много случаев о птицах, они незаметно подъехали к городу.

По профессии Петр Егорович был художник-оформитель. Работал он на заводе. И если вечером после работы у него не находилось по хозяйству никаких дел, он тотчас уходил в свою комнату-мастерскую, так он называл ее в шутку, и подолгу просиживал в ней за этюдником. В этой маленькой комнате-мастерской у него был свой мир, который совсем не походил на его повседневную с житейскими передрыгами жизнь. Он любил живопись. Хоть его полотна и выходили не совсем удачны и совершенны, для него они были прекрасны и хороши. На них он изображал мир таким, каким его видел. И только на полотне, на этом крохотном кусочке материи, он мог сказать свое слово. И этим был счастлив.

Вот в эту самую комнату Петр Егорович и поселил вороненка Чапу.

Первые дни своего пребывания в квартире вороненок вел себя прилично, не озорничал. Прогуливался по комнате спокойно, не спеша. Ко всему приглядывался, не скрывая осторожности. Привыкал. Когда он испытывал уже знакомое ему чувство голода, вел себя довольно смело, даже агрессивно. Он разевал клюв, бил о пол крыльями, пытался каркать. Ел Чапа, можно сказать, все: хлеб, мясо, рыбу. На аппетит не жаловался. В доме Чапу любили, особенно хозяйин.

Шли дни. Вороненок подрастал и уже совсем освоился. Крыло его срослось, но плохо. На месте перелома было заметно смещение. Летать он почти не научился. Да и в квартире ему научиться было трудно.

Вскоре у вороненка стал проявляться характер: он не любил, когда ему надоедали чересчур обильными ласками, а вообще он был общительным и веселым "членом семьи". Что касалось его отрицательных сторон, то он оказался настоящим проказником. В первое время над его шалостями смеялись - там уронит, там прольет. В дальнейшем это стало надоедать хозяйке. Когда Чапа оставался дома один, тут уж ему никто не мешал. Вороненок любил все блестящее. Все, что блестело, было его. Если хозяйка забывала убирать свои украшения куда-нибудь подальше, то считалось это делом пропавшим: Чапа их так упрячет, что найти их было очень трудно. Если не доглядели, оставили на столе вилки или ложки, то они впоследствии находились под столом, диваном или еще где-нибудь.

Так понемногу жизнь вороненка в доме стала меняться. Ни дня теперь не проходило без объяснений Петра Егоровича с женой по поводу Чапиных проделок, которые, по правде сказать, надоели и самому хозяину. Но что делать? Всем сердцем привязался он к вороненку. Да и жена права по-своему. Расстаться с ним навсегда Петр Егорович не мог. Колючий комок подкатывал к горлу от такой мысли.

Так прошло некоторое время. Жизнь в доме от Чапиных проказ стала невыносимой. Он все больше и больше разбойничал. Или от того, что по характеру он был таков? Или от того, что Петр Егорович его баловал? Но как бы то ни было, а терпение у хозяйки лопалось. А один случай переполнил чашу Чапиных "злодеяний" на весах благополучной жизни этого дома и решил дальнейший исход пребывания его в квартире.

Случилось это так. Однажды вечером, оставшись дома один с Чапой, Петр Егорович собрался осуществить давно задуманную мечту - написать "портрет" Чапы. И вот наконец-то выпала такая возможность.

Мурлыча под нос какую-то песню, он быстро и легко, один за другим, накладывал на упругий, как на барабана кожа, холст мази. Ложась под ловкой его кистью, они подлинно и неповторимо, как ему казалось, воспроизводили любимого Чапу. Вороненок сидел смиренно, и редко кося глазами на хозяина, сонно и лениво ковырял клювом свои перья.

Когда работа подошла к концу: Петр Егорович убедился, что ни одно его полотно не было так удачно выполнено, как это. Его не смущало, что на портрете был изображен молодой ворон. Зато как? Черные, с синеватым отливом перья и гордый, независимый как у орла, взгляд.

"Каков, а?" - Петр Егорович от удовольствия даже прищелкнул языком, повертел "портрет" в руках, не находя в нем никакого отличия от оригинала, довольный, поставил его на место. Он устало опустил руки и, любуясь своей работой, замечтался. Казалось ему, что кружит он среди стай пернатых друзей, ловит их руками, смеется. Даже по-приятельски трясет руку Чарльзу Диккенсу. Потом идет пить с ним непременно кофе, рассказывая ему, как он напишет множество картин о птицах.

На этом мысли его прервались стуком в дверь. Густые брови вмиг сбежались к переносице. Пришла жена. Опять реальность. Опять действительность. Опять неизбежный разговор.

Петр Егорович, сутулясь, побрел открывать ей дверь. Он молча впустил жену, закрыл за ней дверь и, не обращая на нее никакого внимания, пошел в свою комнату. Но как только услышал из соседней

комнаты голос жены, бранившей Чапу, он вздрогнул и прислушался. Жена говорила о последнем Чапином хулиганстве и о хулиганстве вообще. И вдруг...

- Мое новое платье! Он испачкал мое новое платье!

Она, голоса, подбежала к Петру Егоровичу и подставила ему под самый нос платье.

- На! Смотри!

Петр Егорович, отстраняясь, покосился на темное пятно.

- Я не видел. Я, вот, портрет писал, - оправдываясь произнес он и кивнул в сторону этюдника, где стоял портрет.

В комнате на миг воцарилась тишина. Петру Егоровичу она показалась вечностью.

- Портрет? - она удивленно подняла брови. И эту мазню ты называешь портретом?

Она схватила портрет и швырнула его в мужа, но промахнулась. Портрет взвился, повернулся в воздухе и, описав дугу возле головы Петра Егоровича, шлепнулся в угол. Он там обо что-то ударился и порвался. Порвался в том самом месте, где у вороненка был глаз. Сейчас на месте глаза зияла большая дыра, от чего вороненок казался слепым и уродливым.

Петр Егорович был ошеломлен случившимся, он непонимающе посмотрел на жену, взял портрет в руки и стал молча разглядывать выбитый глаз вороненка. Он долго так еще растерянный, стоял с ним среди комнаты.

На следующий день Петр Егорович отвез вороненка на завод.

- Кого я вижу? Кто к нам пришел? - были первые слова Толика, того самого, который дал вороненку имя.

- Щапа, на-ко скорей поешь, - уже с куском хлеба в руке подскочил он к вороненку.

Все, кто был в мастерской, бросили свои дела и окружили Чапу. Кто видел его впервые - знакомился, а кто не видел давно - здоровался.

Вороненок тоже сгорал от нетерпения познакомиться. Он не успокоился до тех пор, пока не потрогал всех клювом.

Толик был закадычным другом Петра Егоровича. Их связывала не только профессия и многолетняя дружба, но и общие взгляды на жизнь и искусство. Бывало, часами просиживали они у какой-нибудь картины, разбирая каждую ее деталь, черточку. И что удивительно, всегда приходили к общему мнению.

- Какой колорит! Какой контраст! - восхищался Толик, тыча пальцем в то место картины, где он находил сильный контраст красок. - Прекрасно! Изумительно!

- Да, да, - кивал головой, в свою очередь, Петр Егорович, вертя картину то так, то эдак и ставил на место только тогда, когда убеждался, что картина действительно великолепна.

Они часто ездили вместе на этюды. После чего хоть целую ночь могли сидеть у своих новоиспеченных работ.

- Эх, жаль, что рано скрылся закат. Не совсем точно мне удалось его передать, - сожалел об ушедшем закате Толик.

- А я слишком "поднял" небо и вот здесь сгустил краски, указывал Петр Егорович, на то место картины, где, по его мнению, краски были гущены.

Вот так, почти до утра проходило у них время в дружной и мирной беседе.

... Мастерская была большой комнатой, и Чапа словно радовался этому: перелетал с одного места на другое. А когда уставал, долго сидел с раскрытым клювом. Перелом все еще давал о себе знать. "Здесь вороненок вновь обретет свободу. Здесь он по-настоящему научится летать, - думал в это время Петр Егорович. - Я уверен, тут ему будет хорошо. Вот Толик принес котлетку и снова кормит Чапу. Это настоящий друг. Он все понимает".

Так встретили Чапу. Так прошел первый день его жизни в мастерской. Другие дни почти ничем не отличались от первого.

Так же Толик охотно, дружелюбно относился к Чапе. Похупал в буфете все, что можно было купить из пищи, и кормил Чапу. Вороненок был все таким же подвижным и веселым малым. Все так же летал, бегал. Но особую дружбу вел только с Петром Егоровичем. Он одному ему мог сесть на руку или плечо. Особых нарушений не совершал. За исключением, если что-то уронит, опрокинет или утащит у Петра Егоровича перо, кисть или очки. На что тот смеялся и трепал Чапу за крыло, ногу или просто гладил, приговаривая:

- Ох, ты мой проказник. Отдай сейчас же очки. Ну, ну, скорее...

А когда вороненок отдавал ему очки, говорил:

- Вот молодец, вот умница, - думал, что действительно вороненок понял и послушался его - хозяина.

Шли дни, шла жизнь, интерес к вороненку у всех стал постепенно пропадать. А спустя неделю, уже никто к нему не подходил. Каждый был занят своим делом. И если вороненок слишком надоедал или мешал работать, то его просто отгоняли. Это касалось всех, кроме, разумеется, самого Петра Егоровича. Он по-прежнему был верен ему. Вороненок понимал это и отвечал ему взаимностью. Даже Толик и тот стал к нему не так внимателен, а порой просто не замечал. И если у него и было что к Чапе - интерес, любопытство, то сейчас это уже ничего нет. Все прошло. Остались лишь дела.

- Смотрел на все это Петр Егорович с грустью и болью в сердце. После холодного равнодушного отношения наступило откровенное гонение. Никто не скрывал своей неприязни к вороненку. Всем надо-едал, всем мешал. Что оставалось делать Петру Егоровичу? Ждать? Чего? Все той же капли, которая вновь переполнила бы все ту же злополучную чашу нормальной, благополучной жизни? А она, как всегда, не заставила себя ждать.

Рабочее утро всегда начиналось с открывания тяжелой железной двери мастерской. Не спеша, точно и метко всовывал Петр Егорович ключи в замочные скважины, после чего их долго вертел, успевая нажать коленом еще на что-то. Потом вертел ручкой, резко тянул на себя, и только тогда дверь открывалась, вот и сегодня, проделав все безошибочно и ловко, Петр Егорович в хорошем расположении духа первым переступил порог мастерской, за ним потянулись остальные. Как всегда, все тихо, все спокойно. Только одно обстоятельство привлекло внимание почему-то всех сразу: Чапа, как ни в чем не бывало, сидел на картине, которая принадлежала Толику, и как всем показалось, это потом они говорили, дремал. Он до того привык к людям, что не обращал на них уже никакого внимания. Картина, на которой сидел вороненок, выглядела весьма неприлично: была запачкана и исцарапана. Словом - испорчена. Долее всех не приходил в себя Толик. Он стоял как ошарашенный: брови сломанными дугами быстро ползли вверх и, казалось, еще миг, они сорвутся и полетят. Какой-то звук или шорох, он точно не помнит, но впоследствии рассказывал, вывел его из оцепенения, дал ему силу, от которой он подпрыгнул на месте, подскочил к вороненку и ударил его так, что птица отлетела в сторону, и, не понимая, в чем дело, громко закаркала.

Петр Егорович как остановился в дверях, так и продолжал стоять. Ему захотелось вдруг вот также подскочить к Толику и треснуть его из всех сил по лысине. Раньше он не придавал большого значения его лысине, сейчас почему-то ее розовый, поблескивающий цвет был ему противен. Потому, может быть, он его и не ударил. Петр Егорович всем сознанием понимал, что надо что-то делать. Все смотрели уже на него. Но Петр Егорович ничего не сделал. Он молча подошел к вороненку, взял его на руки и также молча вышел.

В машине он только понял, что вороненка он видит в последний раз. Чапа спокойно сидел у него на плече. За окном проплывали отдельные кустарники, деревья. А дорога уходила все дальше и дальше в степь, и, казалось, не будет ей конца.

Да, вот и то место. Петр Егорович; резко затормозил. Колодки визгливо запели, машина клюнула носом и встала. Прошло с тех пор три месяца. Трава здесь поднялась и начала желтеть. "Сейчас в де-

ревне давно откосились..." - вдруг подумал Петр Егорович, но это лишь на секунду, на мгновение. Он приехал сюда не за этим. Он приехал сюда, чтобы оставить здесь Чапу, проститься с ним навсегда. И тогда будет все хорошо и спокойно.

- Сможешь здесь выжить, Чапа? - тихим и сухим голосом обратился к вороненку Петр Егорович, - смотри, как красива, - и немного помолчав, добавил, - и жестока природа.

Он долгим, каким-то безучастным взглядом обвел поля. Они где-то вдали упирались в леса, другие уходили за горизонт. Петр Егорович медлил. Затем резко встал, взял в руки вороненка и пошел в степь. Сухая трава с хрустом лопалась под ногами. Петр Егорович остановился, поглядел Чапу в последний раз и подкинул его вверх. Вороненок подлетел, неумело замахал крыльями и сел недалеко от него. Петр Егорович, не оборачиваясь, быстро пошел к машине. Вороненок, каркая и ковыляя по густой траве, побежал за ним. На дороге Петр Егорович обернулся и посмотрел на бежавшего к нему Чапу. Ему захотелось вдруг побежать ему навстречу, взять его на руки, привести домой и больше уже никогда с ним не расставаться. Он уже был уверен, что сейчас сделает это. Он даже сделал движение, шаг, но в последнюю минуту, в последний миг заколебался. Какие-то сомнения, нерешительность охватили его. Он остановился, еще какое-то время раздумывая, но потом вдруг сел в машину и уже под звуки мотора и ветра летел по степи. Теперь он не слышал крика Чапы, мотор и ветер поглотили все. Лишь там, откуда он отъехал, долго еще висела в воздухе серая дорожная пыль.

... Прошла осень, прошла зима. Наступили теплые майские дни. Снег в лесу и с полей давно сошел. Жирная земля под теплым солнцем курилась парами.

Громко разговаривая, смеясь, в "Жигулях" ехала дружная компания. Машина, повиливая на невысохшей еще от снегов кое-где степной дороге, неслась, отбрасывая грязь в стороны.

- А ну, Егорыч, поддай ей, родимой! Во-во, так!

Гогоча, подзадоривали водителя пассажиры. У них сегодня было хорошее настроение и причина для смеха. Они удачно провели выходной день и плодотворно потрудились над этюдами. Петр Егорович, не жалея машины, выжимал из нее все, что мог. И никто из них не вспомнил того места, которое они сейчас проезжали, где год назад в такой же майский день они нашли Чапу, который стал их временной радостью и временным раздором. Где он сейчас? Что с ним? Никто из них не знал. Да и хотел ли знать? Толик и сейчас что-то оживленно рассказывает Петру Егоровичу: о природе, о красках, о любви к искусству. Петр Егорович поддерживает разговор и смеется. Все они за это время

успели подружиться. Как будто между ними и ничего не было. Подобный случай по сравнению с огромной и солидной жизнью человека, - ничто, пылинка. Была - и нет ее. И сколько будет еще таких случаев - пылинки? Тысяча. Так стоит ли о них думать и беспокоиться?

- Братцы! Давайте остановились! Смотрите, какая красотища, а! - тыча пальцем в окно, закричал фотограф, про себя думая "Вот бы снять эти места и поместить в местной газете под названием "Весенний пейзаж" или "Поля весной".

Петр Егорович свернул на обочину и затормозил.

- Да, вот это да! - восхищаясь красотой природы, тянул носом воздух Толик.

- Ничего не скажешь, красиво, - согласился с ним Петр Егорович.

Пока они восхищались природой и дышали свежим воздухом, фотограф, приседая на корточки и припадая то на одно, то на другое колено, а то вдруг забегая на бугры, непрерывно щелкал фотоаппаратом. Он уходил от машины все дальше и дальше. Но тут неожиданно остановился, наткнувшись на что-то черное.

- Ба, что это? - В растерянности удивился он, но вдруг, спохватившись, закричал: - Братва! Скорей сюда! - Фотограф, махая рукой своим друзьям, звал их: - Ну что вы, идите скорей сюда!

Друзья по одному подбегали к фотографу и обступали кругом какой-то черный предмет. Последним подбежал Петр Егорович. Он из-за плеча Толика глянул в круг. Посредине лежал мертвый вороненок. "Неужели это Чапа? - неожиданно бросилось ему в голову. - Неужели это он? Нет, этого не может быть".

Петр Егорович нагнулся, взял в руки мертвую птицу и увидел у нее сломанное крыло. Это был вороненок Чапа. Грусть и жалость сдавили сердце. Ему вдруг стало обидно до слез и за себя, и за своих друзей. Поиграли с ним и вышвырнули. Неумело вмешались в природу, нарушили ее закон, и ниточка оборвалась, оборвалась жизнь. "Значит, не сумел выжить, не сумел приспособиться, - думал Петр Егорович, - Во всем виноват я. Не отстоял жизнь. Взял на потеху, а вышло вот что. Как же я не узнал эти места? Ведь я оставил его именно здесь. На этом самом месте.

Как миг пронеслась и исчезла перед глазами Петра Егоровича вся жизнь вороненка.

"Бедный Чапа, даже с места не сходил. Все ждал меня". Он посмотрел на него и на друзей каким-то странным, далеким взглядом. И было в этом взгляде что-то свое, необычное, навсегда ушедшее и потерянное. То ли он был слишком тронут дружбой и верностью птицы, то ли во всей этой истории винил людей, а больше всех, может быть себя...

ВЫБОР

рассказ

Окончив библиотечный факультет института культуры, Катя Озерцова четвертый год работала в читальном зале городской библиотеки. По характеру своему она была спокойной, впечатлительной, с какой-то раз и навсегда застывшей на лице грустью. В ее глазах жило странное сочетание робости и ума, что заставляло думать о ней как о человеке замкнутом и осторожном.

Диплом, работа, как и хотелось Кате, было достигнуто. Все это давала ей право называть себя счастливой, и Катя такой себя и считала. Но вдруг это ощущение куда-то ушло, разом оказалось в прошлом, в мгновение ока растворилось в нахлынувших вопросах. Что делать теперь? К чему стремиться дальше? И стремиться ли вообще?

Так первое представление о счастье исчезло, наступило другое, которое в человеке заложено природой - в ней начала просыпаться другая она, еще незнакомая ей, но уже властно проявляющая себя. Клетка за клеткой, она поедала ее. В ней жадно просыпалась мать.

Просидев с книгами в библиотеке и дома до двадцати семи лет, да еще с неброской внешностью, она вдруг ясно увидела, что совершенно одинока, что время ее упущено. Но как это все произошло? Когда? Она не могла понять. И почему в ее возрасте сейчас трудно выйти замуж? Эти вопросы не выходили у Кати из головы. В институте она осуждала тех девушек, которые, недоучась, выскакивали замуж, рожали, бросали институт, меняя учебу на семью. Вот им-то Катя и завидовала сейчас. А тогда в погоне за «пятерками», она старалась избегать за собой всяких ухаживаний. Надо выучится, а дальше жизнь покажет.

Кроме возникшего желания иметь семью, детей, Катю с не меньшей силой охватили страх, сомнения в доступности этого счастья. Ей почему-то стало казаться, что она никому не нужна. И судьба счастливого человека - это не ее судьба. Когда была потеряна вера? Где разоидись надежда и любовь? В институте было проще: выучил - сдал и все. А жизнь? Как можно выучить и кому сдать жизнь? Лучше бы молоденькой, глупенькой девчонкой выскочить замуж и, ни о чем не думая, жить, жить и жить. Но какая она - эта семейная жизнь? Катя боялась ее, боялась, боялась...

Раскрасневшийся от мороза Сергей появился у Катиного стола неожиданно, обдав ее запахом зимы и одеколона, на тоненькой полоске его черных усов еще заметен был иней. Худощавый, с кудрявой шевелюрой, он относился к тому типу молодых людей, которых всемогущая

мода штампует быстро и в большом количестве. Он то и дело потирал прихваченное на морозе ухо. Не глядя на нее, он спросил журнал мод.

- Зачем? - вдруг вырвалось у Кати. Она даже и не поняла сама, что сказала.

Он медленно, как бы нехотя, перевел свой взгляд с книжных полок на странную библиотекаршу, и недоуменно уставившись на нее, переспросил

- Как зачем?

- Так просто... Может, он вам и вовсе не нужен...

- Интересно, - еще больше удивился Сергей, - тогда может вы знаете, что мне нужно?

- Знаю, - так же неожиданно выпалила Катя. - Она зачем-то стала перекладывать с места на место лежавшие на столе книги. - Ну, скажем, - она, обдумывая что-то, помолчала, затем открыла нижний ящик стола и, достав из него толстый фолиант, показала его Сергею. - Вот, например это...

На светлой суперобложке крупным, золоченым текстом было написано "передвижники". Катя аккуратно положила книгу на стол, спросила:

- Вам приходилось что-нибудь о них читать? Нет?

- Сергей молчал.

Не дожидаясь ответа, Катя раскрыла альбом. На первой странице Сергей увидел цветную иллюстрацию, с которой на него смотрело красивое женское лицо.

- Дамам в море быть рискованно,
но войдя в рыбацкий быт,
с репродукции Крамского
неизвестная глядит... -

прочла четверостишие Катя. Она заметила, как в глазах молодого человека мелькнул интерес. Перелистывая страницы, она стала рассказывать ему о каждой репродукции, о самих передвижниках, о их жизни. Сергей внимательно, с каким-то детским интересом, радостью слушал рассказы странной библиотекарши о живописи. Забыв обо всем на свете, он просидел до самого закрытия библиотеки. А когда провожал Катю домой, то всю дорогу засыпал ее вопросами о художниках. Шли медленно, не торопясь, и Катя первый раз вернулась с работы поздно.

Ее удивляло то, что Сергей сам работал художником, а в живописи, да и вообще в искусстве ничего не смыслил. Когда она об этом узнала, то поняла почему он тогда был смущен.

Имея неплохие способности к рисованию, он не пытался даже развить их. Оформление, отделка магазинов, ресторанов, офисов

были его занятием. Интерес к искусству дальше денег у него не шел. Она как-то спросила, почему бы ему не пойти учиться?

Тот в ответ так посмотрел на нее, что она сразу поняла, что сморозила какую-то глупость. Она отвернулась, но краешком глаза видела, что Сергей смотрит на нее и улыбается.

— Я что-то не то сказала?

— Вроде взрослая, а рассуждаешь, как ребенок, ей Богу...

Она почувствовала, как потеплели ее щеки. Опустив голову, она замолчала.

— Не сердись, но сама посуди, — обняв ее легонько за плечи и заглядывая в лицо, миролюбиво продолжил Сергей, — кому сейчас нужны знания? Образование в настоящее время не играет никакой роли. Все решают деньги. Без них ты не человек...

Катя злилась, досадовала на себя, на свою беспомощность, на то, что какой-то простой парень, проживший на земле всего-то двадцать с небольшим лет, без всякого образования, вот так сходу обезоружил ее одним взглядом, одной улыбкой. Что ей, образованной, на это ответить? Может, спросить — что есть Истина? А что, если Истина глаголет его устами? Но отчего тогда на сердце тоска?

— Ну, хватит дуться, мир, — прижал он к себе Катю. — Нет, тебя решительно надо перевоспитывать...

Расставание у подъезда получилось грустным. Грустными получились слова и поцелуй...

Ночью, обнимая подушку, Катя плакала.

"Ну что тебе еще нужно... дура... я тебя уничтожу"... Она резко повернулась на спину, вытерла слезы. Ладно, посмотрим. Тут же набрала номер.

В трубке долго слышались гудки, потом ответили. "Сережа, прости, что так поздно, мне нужно увидеть тебя"... — "Сейчас?" — "Да". — "Три часа ночи, ты с ума сошла, что случилось?" — "Приезжай, все объясню".

Катя положила трубку. "Так-то вот, подруженька".

Через десять минут приехал Сергей.

— Ну ты даешь, старушка, что стряслось?

— Ничего, — она подошла к Сергею, стала расстегивать ему пальто. — Ничего особенного, ты же сам сказал, что будешь меня перевоспитывать, вот и перевоспитывай...

— На ночь-то глядя?

— А когда ж еще?

Сергей рассмеялся...

Утром, лежа в постели, он сказал:

— Интересный ты человек, Катюш, надо же, все у тебя впер-

вые... И очень неплохо, я бы сказал... Удивительно даже... Жаль, что на работу...

- Это еще не все...

- Да? Что еще?

- Тоже ничего особенного. Только сегодня никакой работы, вот и все. Из дому ровно сутки ни ногой, ясно?

Сергей рассмеялся.

- Как все просто...

- А ты как хотел? Мы ведь тоже не лыком шиты.

- Гениально...

- Чья школа-то, а?

Рассмеялись оба.

- Катя, я вообще готов никогда не уходить от тебя, - вдруг неожиданно серьезно сказал Сергей.

Та вздрогнула.

- Ты что? Чего ты напугалась? Не веришь? Думаешь, подлец, негодяй, молодой повеса, болтун, так? - целуя ей лицо и шею, успокаивал Сергей. - Я серьезно...

- Нет, нет, ничего, немного неожиданно как-то...

- Хочешь завтра? Когда хочешь? Скажи только когда, и все...

- Мне надо подумать...

- Поверь мне, Катя, не надо думать...

- Хорошо, хорошо, я не буду думать... я уже не думаю, - отстраняясь от поцелуев, сдалась она. - Успокойся только...

Немного помолчав, она добавила:

- Я на днях еду в деревню, в гости к подруге, вместе учились. Письмо пришло, зовет, юбилей у ней там какой-то...

- Может, вместе?

- Нет, нет, я одна... пока одна... приеду, решим, ладно? Ты позвони.

Поднимаю осеннюю пыль, старенький "пазик", надрывно повизгивая, спозаранок тащился в небольшое село. Однообразный пейзаж наводил на пассажиров скуку и сон. Кате спать не хотелось. Она, не отрываясь, смотрела в окно. Казалось, ей не дает покоя какая-то мысль. "Теперь я, как все. Но почему на сердце грусть? Кто ты есть на самом деле, подруженька? Что еще тебе нужно?" - думала Катя.

Когда она появилась на пороге подружкиного жилища, динамики старенького магнитофона, скрипя и надрываясь, выкрикивали популярный шлягер. В кухне и зале танцевали. Сквозь галдеж кто-то крикнул: - Акишина, к тебе, кажется, гости.

Из зала, словно бабочка, легкая и красивая, выпорхнула Ленка. Глаза ее светились мягким бесноватым огоньком, лицо горело, сча-

стливый рот со съеденной наполовину помадой, показывал ровные белые зубы. Подлетев к подруге, Ленка повисла у нее на шее.

- Катюха, а я уже грешным делом ругала тебя.

Вмиг, обдав подругу запахом разгоряченного тела, вина и духов, обтерев о ее щеку остатки помады, Ленка потащила Катю в зал. Усадив за стол рядом с белокурым крепышом, представила:

- Знакомьтесь, это Катя, моя подруга, а это Владимир, мой муж. — Она обняла его и улыбнулась, положив голову ему на плечо.

- Очень приятно, — крепыш взял Катину руку, немного наклонился, и та почувствовала на своих пальцах долгий горячий поцелуй.

Катя взглянула на подругу, та хитровато и понимающе улыбалась.

- Мне тоже, — освобождая руку, ответила она.

Ленка хихикнула и налила полный бокал шампанского

- Штрафной, — она втолкнула в Катину руку бокал с пузырящимся и плескавшимся через край вином.

- Ой, куда столько...

- Не буди во мне зверя, пей...

Катя осторожно поднесла к губам бокал, медленно выпила. Голова закружилась. По лицу и всему телу разлилось тепло. Кате стало весело, настроение поднялось. Она смотрела на счастливую семейную идиллию и от души завидовала. Ей захотелось вдруг туда, к нему. Захотелось вот так же положить голову на плечо Сергею, почувствовать прикосновение любящих рук. Ее лицо, шея, грудь помнили недавние поцелуи и приятно горели...

Потом снова пили шампанское и танцевали, а к вечеру, проводив гостей, Лена в зале стелила Кате постель и тараторила:

- Ну как, понравилось? Кого-нибудь подсмотрела? Ха-ха... я бы на твоём месте.. ха-ха...

Катя молчала.

- Готово, можешь ложиться.

Катя в сон погрузилась сразу, как только коснулась подушки. Она не знала, сколько спала, но через какое-то время вдруг стала просыпаться. Просыпалась медленно, как будто ее кто-то будил, еще во сне на ее слух тяжело и беспрерывно накатывались обрывки каких-то странных и непонятных слов. Проснувшись, не поняла сразу, что происходит. Отлетевший сон прояснил сознание. Катя услышала, как из соседней комнаты, из чернеющей пасти дверного проема неслись, гонимые ветром ссоры, грязные и смятые, словно уличные газеты, слова:

- Ты почему пошла с ним танцевать?

- А что по-твоему мне нужно было делать, сидеть?

- Шлюха...

- А ты-то кто? Я видела, как ты ей всю руку облизал, потаскушник.

- Шлюха...

- Сам ты шлюха!

Шум, возня, взаимные оскорбления сменились темой взаимных претензий.

- Мои родители дом нам купили,...

- Твои? Это мои купили...

- Твои, пожалуй, купят... мои помогают...

- Это твои-то помогают?! Это мои помогают...

- Твои за копейку удавятся...

Катя узнала голоса Ленки и Владимира и не хотела верить своим ушам. Это были те люди, которым она еще час назад завидовала, хотела походить на них. Господи! Катя хоть и не считала себя верующей, но вырвавшемуся слову не удивилась. Оно вобрало в себя возмущение, страх, отчаяние и убийство веры. "Да что же это делается на свете, Господи?" – хотелось крикнуть ей. "Что еще надо людям?! Что не могут они никак поделить?!" Зарывшись в подушку, чтобы не слышать спор двух людей, Катя заплакала. "Господи, до чего дожили..." Прощлое общение с ними ей уже было противно.

Она не узнавала Ленку - всегда веселую, общительную, добрую. Что с ней случилось? Что ее заставляет оскорблять близкого ей человека? Не верить? Подозревать? Неужели такой ее сделала семья?! Эта мысль к Кате пришла внезапно, как открытие. Неужели это семья съедает Бога в душе человека? Неужели все это так? "Боже, до чего дожили..." только и могла повторять Катя.

До самого утра она не сомкнула глаз. В соседней комнате давно уже спали. За окном, прощаясь бледной синевой, уходила ночь. Катя нажала кнопку подсветки своей "электроники", и маленький пучок пламени осветил пульсирующую секундную точку и цифры. Было половина пятого. До первого автобуса оставалось два часа, но Катя стала собираться и через несколько минут, никого не потревожив, ушла.

Дома, стараясь не думать о случившемся, Катя стала заниматься уборкой квартиры, а к вечеру, утомленная бессонной ночью и работой, уснула. Разбудил ее телефонный звонок. Катя проснулась сразу, даже вздрогнула, как будто и не спала вовсе, а сидела возле телефона и ждала. А дождавшись, не решалась подойти к нему.

Когда она сняла трубку, ей показалось, что голос на другом конце провода волновался и дрожал.

- Ты не забыла наш разговор?

- Нет... - стараясь быть спокойной, ответила она.

- Ну что, согласна?

Катя молчала. Она даже слышала его дыхание. "Господи, что мне делать?" - стучало в висках. А Сергей, не унимаясь, все спрашивал:

- Кать, ты согласна? Согласна?..

БАЛЛАДА О МЕССИИ

1

Устало шли волхвы — заранее все зная,
За небом Вифлеема наблюдая,
Когда взойдет Спасителя Звезда,
И к яслям им укажет путь Она.
Но до того, когда родился Он,
Жил некий старец - гордый Симеон.
Ему однажды возвестил Господь:
Уйдешь, когда увидишь Сына Моего ты плоть.

2

И вот настал тот час, когда Ему родиться.
И вселенной повелел Господь остановиться.
Накинул, как на клячу, удила —
И тут же встала бездвигная она.
В волнах застыл могучий океан,
Во храме не курился фимиам.
У ветра, гнавшего наземь свои порывы
Исчезли вдруг куда-то его силы.
А птица, что свободно в воздухе парила,
Как нарисованная кистью, вдруг застыла.
У пастухов, что говорили у костра,
Застыли в воздухе летевшие слова.

3

Но вот часы рукой Творца включились,
И снова твари все под ней зашевелились.
И, наконец, усталые дошли волхвы
И царские сложив у ног Его дары.

4

О, Израиль — камнями побивающий пророков,
Сколько ты изгнал сынов своих, отроков,
Блюдя завет, ты был неумолим.
Какой же суд теперь ты совершишь над Ним?
О, сколько лет ты Его ждал?!
О, сколько раз о Нем ты предавещал?!
От рабства дом Он твой освободит,
Так Божий глас в писаньях говорит.

Но знал ли ты, что Любовь Законом Его будет?
И "Справедливость" Он твою, как хлам, осудит?
Она давно уж миру не нужна
Страхни ее, как старый плащ с себя.
О, Израиль — Ты ветхий Богу негодный
Поймешь суть эту — и будешь ты свободный...

БАЛЛАДА О ВОЙНЕ

Мчится, мчится вихрем бледным
В колеснице смерть к земле,
Саваном свинцово-медным
Выстилает путь войне.

Ее кони стрелой мчатся,
Груди тяжко их хрипят,
Гривы змеями клубятся,
Холодом глаза косят.

Что за время вдруг настало?
Кто их кликнул? Кто позвал?
Чье же сердце снова пало?
В чьей душе вновь ад восстал?

Мчится, мчится ангел смерти,
Приближается земля,
Из божественной вдруг тверди
Грозно грянули слова:

«Стой, куда, слуга денницы?
Время ль слать печали весть?
Души служат здесь десницы,
Злобою их не разжечь.

Слова смерть остановили,
Кто коней ее унял?
Будто в сердце нож вонзили,
Вечный враг пред ней стоял.

Светом дивным он сияет,
В латы веры скован он,
Щит надежды грудь скрывает
И любви меч обнажен.

Смерть, как гром, расхохоталась,
Сотрясая неба свод.
«К людям я на зов примчалась —
Их избавить от забот.

Ты ли властен надо мною,
Ангел жизни и добра?
Ты ли властен над душою,
Душа ждет, зовет меня.

Прочь с дороги, слуга рая,
Душе тяжёлый груз любви,
Крови жаждет душа злая,
Жаждет рабства и войны.

Что ты дашь душе рожденной,
Своей жизнью соблазненной?
Мука быть ей воплощенной,
Красоту покоя скрывая.

«Зря раздор в умах ты сеешь,
Ложь одна в твоих устах,
Ты любви не одолеешь
В человеческих сердцах».

Ангел смерти усмехнулся,
Грозен был его оскал,
На врага он устремился,
Но его уже тот ждал.

В битве яростной схватились
Жизнь со смертью — два врага,
В напряжении забились
У людей в груди сердца.

Сколько времени так бились?
Кто решит исход борьбы?
Души кем людей пленились?
Тем и будут пленены.

Ангел Жизни вдруг качнулся,
Щит надежды потерял,
Веры шлем вдруг оосстегнулся,
Меч Любви из рук упал.

К людям в страхе повернулся
«Меч подайте», - умолял,
Как к нему он ни тянулся,
Но меча никто не дал.

Смотрит он на них с мольбою,
За слезой слеза катит.

«Мне остаться бы с душою»...

Но, увы, душа молчит.

В грудь копьем насквозь пронзенный,
Ангел Жизни умирал,
К небу взглядом устремленный,
«Не суди их», - повторял.

Ангел бездны и печали
В мертвых душах пировал,
Второй смертью умирали,
Когда их он распинал.

На дороге, зная, упало
Семя жизни у камней,
Воронье его склевало,
Не успев пустить корней.

Мчится, мчится вихрем бледным
Ангел смерти по земле.
Саваном свинцово-медным
Выстилает путь войне...

БАЛЛАДА О БЛУДНОМ СЫНЕ

Кто же станет Сыном первым,
у Отца из двух детей?
Поведеньем ли примерным,
будет он Ему милей?

Время шло, мужало семья,
взяв наследство у Отца,
сын один отпал от племня,
от Отцовского Лица...

С первым встречным и попутным,
меру, что он получил,
в мире суетном и блудном,
в малый срок он расточил.

Долго плен его тянулся,
в рабстве плакала душа,
новым в рабстве он проснулся,
в рабстве вспомнил он Отца.

Шел из плена униженный,
Верой ум его пылал,
Надеждой к встрече упоенный,
Отцу отцовы возвращал.

Люди молча расступились,
пропуская беглеца,
как явлению дивились,
встречей Сына и Отца.

"Прости, Отче!" - глава пала,
от грехов на грудь Отцу,
спина мелко задрожала,
Лик приблизился к Лицу.

"Рад тебе Я, Сын, не скрою,
что же лучше для Отца,
был потерянной Овцой,
обретаю же Агнца".

Гонцы встали на дороге,
званы многие на пир,
слугам кто омыл их ноги,
жезл первенства вручил...

"Сядь одесную со мною,
Душу в висонт облачи,
под Отцовскою рукою,
как и Я теперь, твори..."

"НЕЗНАКОМКА", ИЛИ БАЛЛАДА О ПОПУТЧИКЕ

Разомлела лицом, раздумянилась,
неуверенно села ко мне,
незнакомкою просто представилась,
как печать, грусть была на лице.

"Что взгрустнулось тебе, расхорошая,
душу хочешь ли мне ты открыть?
Я лишь случай, а ты мне прохожая,
С чужим проще собою нам быть".

Напряглась грудь, дрожа нетерпением,
прошли ласки ее стороной,
ты гордилась всегда добрым мнением,
и грустишь, что не стала собой.

Откровенно мне все рассказала,
я чужой, я попутчик – пойму,
любовь, ласки во снах ты видала,
но не видела их наяву.

Говорила, как быстро ты старилась,
возраст может ли чувства унять.
Случая за всю жизнь не представилось,
чтоб хоть раз в ней собой тебе стать.

"Не грусти, ты моя расхорошая,
знаю сам, как в любви не везет,
Трудно, если с собою не схожая,
а от нас нас сам Бог не спасет".

Не дослушав меня — оборвала,
затуманился взор, как в бреду,
"Я от жизни, наверно, отстала,
современной уж быть не смогу".

"Не грусти ты, моя расхорошая,
Верю, счастье тебя не нашло,
эта жизнь для тебя, видно, сложная,
в той найдешь, может быть, ты его".

Наяву иль во снах настоящие,
в какой жизни мы схожи с тобой
где верны мы, а где мы гуляющие,
в этой жизни, а может быть, в той?

Мы чужие с тобою, чужие
Но от этого только близки.
Почему в снах и в жизни - иные?
Ну а вместе мы так далеки?

БАЛЛАДА О ДРУЖБЕ

Все, что было плохого иль не было,
Все, как сон, безвозвратно ушло,
От поступка того, хоть и смелого,
Семя дружбы, увы не взошло.

Голод был, и морозы колючие,
Там господствовал один только мат.
Смертью липли к нам всякие случаи,
На, держи руку помощи, брат.

Проклинали за то, что родились,
Видно большего нам не дано.
Выживать, а не жить мы учились
Одному где лишь Богу везло.

Каким духом мы там покрестились?
Позабыли родных и как звать
Мы до ручки там с ним докатились,
И руки некому нам подать.

Все прошло безвозвратно, все минуло,
Я по дружбе его тосковал
Время снова дороженьки сдвинуло,
Но, увы, меня брат не узнал.

Захотелось душе адруг – "в хорошие"
Проросло в ней земное зерно
Там мы были такими похожими,
Ну, а здесь оно нас развело.

Мудрость стихла, безумье подкралось,
Души прерван неожиданно полет,
Ей до неба чуть-чуть оставалось,
Но теперь снова наземь падет.

По грехам хоть она и таскалась,
Чья над ней на Земле была власть?
И во многих умах осуждалась,
Но от зла, слава Богу, спаслась.

БАЛЛАДА О НЕВЕЗЕНИИ

1
Неподдельный, неподдельный,
Правду матку я искал,
Путь скажу вам – канительный,
вот в нем я и заплутал.

2
Дом себе я не построил,
Денег в пояс не вложил,

Жизнь свою я не устроил,
Правдой занятый все был.

3

От души вроде старался,
рай создать хотел себе,
ну, а он не создавался.
Словно кто-то мешал мне.

4

Разойдусь, так в миг устрою,
в люди выбьюсь, как и все,
душу где-нибудь пристрою,
поудобней на Земле.

5

Как в истерики кидался,
все хотел себя найти,
но за чтобы я не взялся,
не везло на полпути.

6

В детстве, что ли, промахнулся?
Иль судьбу не повстречал?
Случай что ль не подвернулся?
Может Бог что не додал?

7

- У него, мол, отклоненье, -
Уши резала молва,
Я им: «Это невезенье,
Бить везучим – не судьба».

8

В общем, жил так без талантов,
без фортуны, без всего,
Может быть, у спекулянтов,
выведавать, чтоб повезло?

9

Утром встал, шнурки нагладил,
чуб для вида начесал,
воротник поднял я сзади,
впечатление создал.

10

Подошел я без манеры,
по-простому – я такой
брови сдвинул – будто нервы,
не в порядке, в общем – злой.

11

“Значит так, дружок, не скрою, -
сделал вежливый намек, -
как на счет, чтобы со мною,
разделить твой кошелек?”

12

“Может, дать ключ от квартиры?” -
нагло мне он говорит,

глаза хитрые – проныры,
вызывающе глядит.

13

"С Богом что ли", – помолился,
деньги цапнув, побежал,
он, каналья, изловчился,
он же, сытый гад, догнал.

14

По рукам, как бы младенца,
меня вмиг запеленал,
глаз загло мне, как от перца,
он адобавок – обзывал.

15

Я как мог сопротивлялся,
к справедливости зывал,
он заматывать старался,
и еще кого-то звал.

16

"Я тебя туда устрою,
где Макар коз не гонял".
И сам легкою рукою,
в правый суд меня отдал.

17

Там уселись в креслах трое,
будто вышли из стены,
во, руно где золотое,
в него вклеились зады.

18

Я же сел от них – напротив,
на скамеечку – внизу,
я конечно, ни супротив,
"что ж судите, раз сижу".

19

Спинки, как штыки поднялись,
от голов до потолка,
они нимбами казались,
ну а судьи – ангела.

20

Три главы адруг зашипели,
шесть глаз сцапали меня,
прямо в душеньку глядели,
в невезучую, судя.

21

Сидел тихий, присмиривший,
Душа будто отошла,
адруг я стал как бы прозревший,
Правда будто снизошла...

НА БАЛ СВОБОДЫ

1
Я спешу к трону страсти
Жажда гонит – успеть
Помоги моей масти,
Уцелеть, уцелеть!

2
За спиною зарница
Мчит за мной по пятам
Дай же волку, возница,
Моей масти коням!

3
В срок успеть до рассвета
К князю мира и тьмы
И вкусить плод запрета
Сатаны, сатаны!

4
Распаленная бегом,
Мчит шестерка коней.
Что же там за запретом
У людей, у людей?

5
Не хватает терпенья,
Жжет огнем голова,
Задержись на мгновенье,
Всемогущая тьма!

6
Кровь свободы вкушаю,
Всего в себя я вопью,
И помочь умоляю
Сатану, сатану!

7
Зажрусь в дикой пляске,
Все с себя я сорву,
Настоящий – без маски
На балу, на балу!

8
Ничего там не скрою.
Какой есть – расскажу,
Душу там я открою,
Оживу, оживу!

9
Мои кони вдруг сдали,
И рассвет нас настиг,
Мы на бал опоздали
Лишь на миг, лишь на миг!

10

Не вкусил предмет страсти,
Свою песню не спел,
Не моей кони масти.
Не успал, не успел!

11

Снова в мир возвращаюсь,
Снова быть мне с людьми,
Снова в ложи облачаюсь,
Суеты, суеты...

БАЛЛАДА О СОТВОРЕНИИ МИРА, или О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОЛА

Бог пожелал узнать Себя,
Создав живую душу,
Природу из ея слепя,
Тварь выбралась на сушу.

Вот так могущество свое
Он отразил в твореньи,
А эволюцию ее
Заложил в размноженьи.

Тварь ела сочную траву,
Молчала, размножалась,
И не могла сказать Ему
«Зачем я создавалась?»

И так молчал бы тварный мир,
И был бы без названия,
С какою целью сотворил
Ты, Боже, мирозданье?

Кто у Творца бы мог спросить?

Кто жаждал бы ответа?

Себя решил Бог оценить

И создал человека.

Взял прах земной и лик слепил,
Вдохнул в него сознание,
Себя так в нем Он отразил
Свободное дыханье.

Как в зеркале, с ним схож Он был,

В него Он воплотился.

Начав с Себя – от дел почил,

Собой же завершился.

Глядел в него, как на себя,
Беседу вел с Собою.

«Теперь он скажет – кто есть Я
И что Я с миром стою?»

Но сколько дней в раю ушло?
В раю рай не кончался,
Адаму вдруг на ум пришло,
И Богу он признался.

«Не знаю, что мне оценить,
Тебя хоть отражаю,
Мне с кем-нибудь Тебя сравнить,
Другого я не знаю»

«Иного нет, но ему быть,
Тебе лишь нужно знанье,
Все, что создал Я разделить,
Но главное – сознание.

В Эдеме древо есть земное,
Оно в нем знаньем расцвело,
Оно поделит все надвое,
Лишь только вкусишь от него.

Ты жизнь не знаешь что такое,
Раз лице смерти не видал,
Когда познаешь ты дурное,
Тогда получишь идеал.

Добро ты никогда не видел,
Раз зло от роду не встречал,
Ты хоть кого-нибудь обидел?
Раз никого не утешал.

Вкусил свободы наслаждение?
Неволю раз не испытал,
Ключей ненависти жванье
Любовью ты не погашал.

Бытия вложил Я в нем основу,
Борьбой оно начинено,
В нем власть дал князю Я земному,
Вот и сравнишь со Мной его.

Себе как бы в противовес
Разделишься надвое,
Один Адам в тебе с небес,
Другой в тебе – земное.

В тебе тебя два и начнутся,
Они в мир выйдут из тебя,
Потом в тебе же и сойдутся,
Лишь целым ты узиришь себя».

Адам на Бога не смотрел,
Смущенно Его слушал,
Он знание плод сознанием ел
И в нем его он рушил.

От Бога вдруг он побежал,
Пред древом трепеща остановился,
С него плод знания он сорвал,
И ход часов включился.

И мир на двое разделив,
Так целого не стало.
Сознание знанием наделив,
Так в знание оно пало.
Теперь не жить полу в раю,
В бытие он появился,
Ум цельность потерял свою
И в ложный превратился.
Так волю выразив свою,
Пол строит мирозданье
По образу же своему
Второй природы зданье.
Эпилог.
Ты целым был, о, человек!
Не ел бы с древа зная,
Не начался б истории бег –
Себя осознание.

ТАНЕЦ САЛОМЕИ

Пир идет, но царь тоскует,
Двор волнуется: «Сюда
Саломею – пусть станцует,
Пусть порадует царя».
Слово пущено – стрелою
Ирода пронзило дом –
И богинею живую
Вот она перед царем
Ножки тонкие раздвинув,
Руки змеями сплела,
На царя взгляд тайный кинув,
В танце медленно пошла.
Дева юная танцует,
К чреслам волосы летят,
Глаз царя она чарует,
Кольца в кистях зло звенят.
Под шелками тело видно,
Под ним девочка нага
На груди ее бесстыдно
Два уж вспухли бугорка. *
Кружит, кружит Саломея,
Стан движеньями свой гнет,
Но не знает Галилея,
Что ей танец принесет.
Повернется иль подскочит,
Все до чресел оголит,

Складкою мелькнет лобочек,
Сердце он царя дразнит.
«Что ты хочешь, Саломея? -
Царь вскочил. — Полцарства дам.
Меня знает Галилея,
Твердость слов — мой идеал!»
После танца дева дышит,
Под шелками грудь дрожит,
Но царя она не слышит,
От него вдруг прочь бежит.
К матери в покой примчалась,
К ней упала на постель,
В беге быстром запыталась,
Рассказав про танец ей.
Мать головку дочки гладит.
«О, дитя, не знаешь ты,
Как обида сердце давит
Камнем тяжким на груди».
Смотрит взгляд ее куда-то,
Греха тайну он хранит,
Что свершился с ней когда-то
И ничем еще не смит.
Как века, идут мгновенья,
Танец им всего цена.
Знали б мы усекновенье,
Не станцуй она тогда?
Так лежала без движенья,
Вдруг очнулась, как от сна,
Ждет ответа Саломея.
Мать сказала: «Голова».
Пред царем стоит капризно,
Губка вздернулась одна,
Под ней мрамор зубок видно,
Дева шепчет: «Голова».
Замерли от слов мгновенья,
Воцарилась тишина.
Танцем ли на осужденье
Придается голова?
Плачь же, плачь, о, Галилея!
Ирод что-то еще ждал.
О, минуи, усекновенье!
Но он дева слово дал...

МЕЧТА О РАЕ

Сядь со мною рядом
Обними меня
И тем первым взглядом
Посмотри в глаза.

Сбрось с себя стыдливость
И одежду сбрось
Раньше что не сбылось
Чтоб сейчас сбылось

Пусть не торопливо
Эта ночь пройдет
Ангел Херувима
Рай нам распахнет.

Под его крылами
Ты, мой ангел, спи
Здесь мы не с врагами
Им нас не найти.

Здесь с тобой мы дома
Здесь спокойно нам
Здесь нет и закона
Здесь ни то что там.

Штор своих душевных
Ты не закрывай,
О свиданьях первых
Мне напоминай.

Успокой, как можешь,
В душу загляни,
Ну и если сможешь
Вновь не обмани.

Вспомним все бывшее
Вспомним наши дни
Вспомним дорогое –
Заповедь Любви...

К ПРОРОКАМ

1
Их всегда изгоняли
Из Руси, из Руси.
И венок надевали
Из терни, из терни.

2
Наслось в бешеной пляски
С ног спускались чупки

Похотливые ласки
К Святой липли Руси.

3

Так Тебя распинали
Что мы сделать могли?
Как и Ты мы прощали
"Господи, не суди".

4

Непристойное время,
Или Разума сны?
Где же столько терпенья
Набралась у нас Ты?

5

О, Россия, Россия
О, Священная Русь
Мать Святая Мария
Жить без Вас я боюсь...

6

Слезы в чашу – избыток
С Твоих глаз натеки
С губ Христовых – напиток
Моя Русь вновь прими.

7

Нет мучительной доли
Крест нести Твой Любви
Промысел Высшей Воли –
На Голгофу взойти.

8

О, Россия, Россия
О, Священная Русь
Мать Святая Мария
Без Вас жить я боюсь...

9

За Тебя убиенны
Что от нас еще ждешь?
В ответ слышим: "блажени..."
Проповедь ту поешь.

10

Не приняв сердцем мщенье
Славу Богу поют
Нового Откровенья
Сыны, Русь, твои ждут.

11

О, Россия, Россия
О, Священная Русь
Мать Святая Мария
Без Вас жить я боюсь...

СОН ДУШИ

В.Высоцкому посвящается

1

Ночь не спит, но есть миг до рассвета
Наглядеться спешит душа снов
Но последняя песня не спета
Не хватает в ней несколько слов.

2

Разухабилась грудь, распахнулась
Разомлелась покоем душа
Еще с неба она не вернулась
Знать блаженствует в радости сна.

3

Что поэта душе может сниться?
Какой родину видит из сна?
Что за ночь может с нею случиться?
И какую проснется она?

4

Нам расскажет, споет с кем встречалась
Продается свобода ли там?
Сколько грешным нам жить здесь осталось?
И подскажет как жить по душам.

5

Еще миг, еще шаг до рассвета
И очнется от спячки душа
И вздохнет русского грудь поэта
И споет свою песню она.

6

Но на шаг, но на миг опоздала
Увлеченная снами душа
Может к лучшему, что не узнала
Что живут уже здесь господа?

Пятью растопырилась пальцами,
В груди моей жизнь живет.
Шестой, зараженный догматами,
Он у нее не в счет.

На карачках пред ней на сломанных
Он шоркается рабом.

Он хвалится, он кичится,
Называя себя умом.

А та, что единственная
От Бога дана,
Отбивается, как безумная,
От шестерых одна.

Но быть, видно, ей распятой,
Осенил я ее крестом,
Но стала ль от этого святой?
И пойдет ли вослед за Христом?

АПОКАЛИПСИС

Где наследство души, где спасение?
Указать сможет кто к нему путь?
Как ее обрести Воскресение?
Как познать души нашей нам суть?
По степи одинокой и брошенной
Ходит, бродит какой-то чуждак,
Колет ноги травой, людьми скошенной,
А еще с Ним мытарь и рыбак.

Про Любовь говорит повстречавшимся,
Учит всех друг другу прощать,
Фарисеям, правды боящимся,
Не бояться о ней им сказать.

Из родного изгнали Отечества.
Приходил исцелить и разнять.
Путь открыл для спасенья и вечности
И учил, как Его узнавать.

Крест нести грехов наших заставили,
К чужеземцу на суд привели.
По ланитам бить стали – так славили,
А потом закричали: "Распни!"

А в степи одинокой и брошенной
Нам не встретить теперь Чуждака.
Кто ж пойдет по траве, людьми скошенной,
Поцелуй чья же примет щека?

А однажды мы крикнем в отчаянье:
Чуждака кто нам может послать?
Чтоб утешить себя с Ним в свидании,
Прежде нужно себя нам распять...

ТРЕТИЙ РИМ

Монголороссы! – звучит хоть это дико,
Но слово это сердце мне пьянит,
В нем Божий Дух подымлет мой велико
И Азию с Европой единит.

Во злате Византия растлилась,
С Голгофы крест когда-то подняла,
Во имя Господа Единого крестилась
И Троицу Святую приняла.

Как Валтасар разнежилась на пире,
Забыв про назначения креста,
И словно повторилось в Данииле,
Как в Вавилоне Византии судьба.

Оседлан конь всей Азии раскосый,
Летит вперед месть вольною стрелой.
И вот уж над Московскою Голгофой
Сияет Образ Троицы Святой.

Во прах ушли два блудника – два Рима,
Не им теперь крест Мессии держать,
Небесного не разглядев Иерусалима,
Не им теперь Любви Храм созидать.

Монголороссы! Звучит хоть это дико,
Не каждому такое осознать
В нас! Отразился крест Святаго Лица,
И выпало нам Третьим Римом стать.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ХРАМ

Он рожден, как свет от света
И от Вечного Завета.
Православный Храм стоит,
Алтарем в зарю глядит.
В сердцах русских он святыня.
Он их Бог. Он их твердыня,
Взвились ввысь Его кресты,
Тайну тайн хранят они.
Суть вся в трех – Его ученье.
Духом Святым – смысл крещенья.
Смертью Сына – смерть поправ,
Так сам Бог с небес сказал.
Кто сидит в Его притворе?
Кто узнает в скорбном взоре
Длань просящую Его
И спасение свое?

А внутри там грозный глаз –
Смотрит в нас иконостас,
Свечи жертвы зажжены,
Начинаются «часы».
Чтицы вязь псалма выводят,
Прозвучали ектеньи,
Со свечами строго входят
След во след пономари.
А за ними в ризе строго
Иерей – слуга от Бога –
Вносит Святые Дары.
Песнь звучит, гласы играют,
Плавню звуки в ряд идут,
Душу словно распинают,
Херувимскую поют.
Дух с небес незримо льется
В сердцах славящих Его,
Черный ангел в гневе бьется
И летит в гнездо свое.
В страхе Божьем у распятия
Православные стоят.
Смотрят в жертвенны объятия,
В них они спастись хотят.
Богородице иконе
Грешники поклоны бьют,
Ждет их пастырь на амвоне,
Крест к нему лобызать идут.
Покрестясь и помолившись,
Кровью Агнца причастившись,
От души простили всех,
Сняв с нее тяжелый грех.
Снова ночь, не видно света
Под печатями врата.
День за днем и век от века
Бьется с ним сатана.

КОНИ

Что за кони такие?!
Бьет с копыт в грудь земля.
Подхватили – лихие!
Вы несете – куда?
Я тяну, управляю,
Я не кинул узду,
Но они, я не знаю,
Морды вверх почему?

Не могу с ними сладить!
Из каких взяты сфер?
Но возможно ль представить,
Что их дал Люцифер?
Ох, сильна же шестерка!
Ох, несёт прямо в ад!
Сбилась в кучу пятерка
И шестой с ними гад.
Вроде он ими правит,
Но всмотревшись – обман,
Горе тем, кто их славит,
Кем закон этот дан?
Я решил – не поддамся,
Натянул поводка,
Я так просто не сдамся,
Но они все – туда.
Я ругаюсь и плачу,
Ворочу я их в рай,
Но выходит иначе.
Вот уж пропасти край.
Кто же мне их подсунул?
Из каких взяты сфер?
Понимаю, но поздно,
Что их дал Люцифер.

СУДЬБА

В своей жизни окаянной,
Вечно спутанной и пьяной,
Хоть не пил, но был всегда хмельной.
Вот однажды с томным взглядом
Оказалась со мной рядом,
Назвалась она моей Судьбой.
"Рад знакомству", - я ей фразу,
А она в лицо мне сразу:
"Наконец-то, милый, мы с тобой".
Как, не знаю, оказался
С той, кого всю жизнь боялся,
Неужели рок такой?
Я ее увещаю,
Мол, тебя я плохо знаю,
Будет труден путь тебе со мной.
Может, лучше разойдемся,
Не дай Бог, еще собьемся
Мы с дороги правильной.
Я стремлюсь к вершине горней,

Не могу вести воз дольный,
Разные ведь мы с тобой".
"Милый мой, не беспокойся,
Вместе мы в него впряжемся,
Вывезем его мы на кривой".
Как ни бились, ни старались,
В пух и прах переругались,
Оказался тяжек воз земной.
Вот с тех пор один скитаюсь,
С кем придется – с тем впрягаюсь
В воз судьбы тяжелый свой.
Как ни бьюсь я, ни стараюсь,
Но лишь с ним я только маюсь,
Остаюсь один я на кривой.
А крижая не подводит,
К нему прямо все выводит
И смеется криво надо мной.
Почему я натываюсь
Лишь на то, что опасаюсь,
"Буди грешному мне – Боже мой"...

АНКЕТА

Малым мальчиком – чистым ангелом
Бегал в детстве я босиком,
По проупочкам, закоупочкам,
Чуб нечесаный – с хохолком.
Хлеб мне брошенный ел не досыта,
И все звали лишь сорванцом,
Без отца я был – хулиганом слыл,
И твердили все – поделом.
Мать все старилась – со мной маялась,
Непослушным рос пацаном.
Эх, судьба, судьба – кабы заново,
Может стал бы я молодцом.
Взрослым я не стал, но уж жить устал,
И зовут теперь подлым.
Все ни как у всех – не пойму, чей грех.
Видно, нужно быть мудрецом.
Церковь-матушка, судья-бапошка
В один рот грозят мне судом.
Как от них уйти – не найду пути,
Все запутано как узлом.
Эх, скорей бы суд – там давно уж ждут,
В доме милком мне и родном.

По проулочкам, родным улочкам
Буду бегать там босиком.

МОЙ АНГЕЛ

Приди, мой Ангел – разрушитель!
С мечом сверкающим своим,
Склоню без страха перед ним
Души теснившую обитель.

Приди, мой Ангел – разрушитель!
Пленных душ освободитель,
Очами грозными свержи
И путь земной мой заверши.

Приди, мой Ангел – разрушитель!
Хочу испить яд сладкий твой,
Хочу к Отцу, хочу домой.
Я не послушный был здесь житель.

Приди, мой Ангел – разрушитель!
Земному миру так скажи:
"Не тронь покой его души,
Любви он духа не хулител".

Приди, мой Ангел – разрушитель!
Посланник рая и Любви,
Мою мне чащу протяни,
Душой всегда я небожитель.

Приди, мой Ангел – разрушитель!
Свободой сладкой напои,
И как Творца всего служитель
К Нему мой дух ты вознеси.

РАССКАЗ О ПОПЕ И НАРОДЕ, ИЛИ КАК ОТ ПОПА СБЕЖАЛА ДУША

Жил да был на свете поп,
Бородой заросший рот.
Назывался благочинный,
Ростом был, как жердь он длинный.
Над народом возвышался,
Как купчиха, наряжался.
Службой к Богу не радел,
Знать не в Бога богател.
Рассуждал примерно так:
"Что народ – народ дурак,
Для него лишь был бы поп,
А с него попу доход".
Красть с прихода не стыдился,
Строил дачи и дома,
"Как на Бога я трудился,
Все же я его слуга".
Должностью своей гордился.
Тайна, как ее добился.
Называл себя на "вы",
Не терпел он слова "ты".
Но не знал он, дуралей,
Что на "вы" зовут чертей.
Набивал он закрома,
А к ночи его душа
Попа чрево не спросила,
В край неизвестный отбыла.
Ни полслова не сказала,
В плоти жадной жить устала.
Как же быть теперь ему,
Разнесчастному попу?
Поп проснулся – нет души,
Лезет к сонной попадьи.
"Не видела ли, куда
Подевалась душа?"
Та проснулась: "Да ты чо!
Как теперь ты без нее?
А заметит коль народ,
Где же будем брать доход?" –

Поп:

Кулаком его в лоб стук! –
 "Не шути, навозный жук!
 Как же может от попа
 Убежать его душа?"
 Стали думать и гадать.
 Где мог душу потерять?
 Поп: "Вроде спать при ней – ложился
 Перед сном – не вру – крестился,
 Хоть за белый день устал,
 Все ж на рот знаменье клал.
 Что нам делать? Как нам быть?
 Могут и разоблачить".
 Принялись ее искать,
 Заглянули под кровать.
 Все облазили кругом,
 Как слизнул кто языком
 Все обшарили углы,
 Нет нигде попа души.
 Приздумались святые,
 Где сидит она, в какие
 Забралась она места?
 Может, спросим у творца?
 Что почем он все же знает,
 Видит, кто куда летает,
 Все же Бог он – понимает,
 От начала до конца.
 Встали друженько к иконе,
 Он к творцу, она к мадонне,
 Под святыми образами,
 Осенив себя крестами,
 Стали к Господу звать,
 Душу грешную ругать.
 Вместе: "Как она, ядрена мать,
 От попа могла убежать?
 Как могла она, посмела
 Кинуть ангельское тело?
 Его бросить одного,
 Где же совесть у нее?
 Не к тебе ли она скрылась,
 В твоём царстве приютилась?"
 Бог: "Нет в раю моем такой,
 Видно, ты слуга не Мой".
 Поп: "Вот те крест, о царь небесный,
 Я слуга Твой самый честный.
 Все догматы выполняю,
 Я их строго соблюдаю,
 Все как есть псалмы читаю,
 Хорошо я службу знаю.

Пред людьми тебя хвалю,
 Одного те, - люблю.
 И еще я так скажу:
 Одному тебе служу.
 Нет другой в твоём раю?
 Потерял вот я свою.
 Не наделишь ли какой
 Меня ангельской душой?"

Бог : "Душу Я даю живую,
 И к живой одной ревную".

Поп: "О, владыко, не взыщи,
 Слугу верного прости!
 Как, не знаю, просмотрел,
 Как ее не доглядел?
 По душам с ней жить старался,
 От души любить пытался,
 А она, как неродная,
 Будто вовсе мне чужая,
 Будто вовсе и не та
 Мне досталась душа.
 Мне бы душу по размеру,
 Как с иголочки, по телу
 У тебя приобрести,
 У народа быть в чести,
 Нынче вон какой пошел,
 Хочет чтобы с ним с душой".

Бог : "Душа мерится по вере,
 И живет лишь в добром деле".

Поп глаголу удивился,
 Как попало закрестился,
 А виденье вдруг исчезло.
 Словно вновь в икону влезло.
 И развел тут поп руками,
 Сбитый с толку чудесами.

Поп: "Как я голый буду жить?
 Как мне голому служить?"
 Поп заплакал, поп взмолился,
 С просьбой к черту обратился.
 Стал он дух иной кликать,
 Образ падший вызывать.
 Тот к ним мигом появился,
 Сразу с делом обратился

Черт: "Ну, зачем меня вы звали,
 Будто что-то потеряли?
 Говорите все, как есть, -
 По соплям обоим – тресь, -
 Не крутите, не виляйте,
 По порядку докладайте.

Все узнаю, не прощу,
 По три шкуры с вас спущу".
 Попадья перепугалась,
 Сразу в кухнюку смоталась,
 Вроде к чаю хлопотать,
 А сама из кухни – глядь,
 Смотрит, черт пола метелит,
 За волосья его треплет
 Черт: "От злых дел зря оторвали.
 Развели здесь трали-вали.
 Был по срочным по делам,
 Нет, тут вы, я сразу к вам.
 Хватит, что ли, для начала?
 Если станет еще мало,
 Не стесняйся – говори,
 Пойдем в кухню к попадьи".
 Та, как в клетке, заметалась,
 Официантом закривлялась
 Попадья: "Не хотите ли чайку?
 Может сладить кофейку?"
 Черт: "Все давай - люблю чаек,
 Можно даже кофеек,
 побыстрее да проворней,
 На стол сяду – так удобней,
 Все давай сюда мечи,
 Ты ж, саятоша, не молчи,
 Докладывай мне, что почем,
 Ну, давай, с чего начнем?"
 Поп по-рабски изогнулся,
 В рот лохматый улыбнулся.
 Поп: "Понимаешь, как, когда
 От меня ушла душа".
 Черт в ответ расхохотался:
 "Бесов поп – совсем заврался"
 Поп: "Нет, не вру, все так и есть,
 Не сойти мне и не сесть.
 Может, где в своем краю
 Поглядишь душу мою?"
 С чашки черт чаек глотнул,
 Кафтан черный растегнул,
 Книгу странную достал,
 На свой палец поплевал,
 Полистал документ свой:
 "Не здесь прешницы такой.
 К нам она не поступала,
 Грехов, видно, за ней мало".
 Смотрит строго на попа,
 Царь земной – сам сатана.

Черт: «Говори все, червь земной,
 Не резон мне тут с тобой
 Лясы попусту точить,
 Кофе твой вонючий пить».
 Попу в харю им плеснул,
 Попадье тайком мигнул.

Поп: «О, владыко – царь земной!
 Вот клянусь – слуга я твой!
 Конфуз вышел небольшой
 У меня с моей душой,
 Может, где-нибудь какая
 Завалилася другая
 У тебя на дне душа?
 Подсоби, царь-сатана,
 Отслужу, вот крест те на, –
 Закрестил от страха поп
 Бородой заросший рот. –
 Понимаешь, в чем беда,
 Чтоб не сделал, так она
 Разойдется, растрезвонит,
 В душе совестью уколёт,
 А сама к Нему все клонит,
 И к Нему все норовит,
 Словно мед там иль магнит.
 Как с такою по душам?
 Пусть идет ко всем чертям.
 Зло возьмет – ну что такого?
 Ну пустяк же, так вообще,
 Ничего тут нет плохого,
 А ей все не по душе.
 Вот зараза, представляешь?
 Ты же, черт, все понимаешь,
 Каково с такою мне,
 Как с такой служить тебе?
 Говорит – мне мир не в честь,
 Родилась я, мол, не здесь.
 Чувствуешь, куда хватила?
 Плоть ей, видишь ли не мила.
 Где ж святую ей достать?
 Кто ж святую может дать?
 А народишко – что тать,
 Он ведь может и узнать,
 Что бездушным стал я, бать,
 Укажи, где душу взять?»

Черт: "Ишь ты, умник, ишь шустряк,
 Как налажу щас в пятак.
 Что ты, думавшь мой ад
 Под землей душевный склад?

Что тебе я кладовщик,
Душ тебе я поставщик?
С любой можно служить мне,
Главное – служи себе.
Душу мне свою найдешь,
Расскажи, как здесь живешь?"
Поп, как лошадь, встрепенулся,
В знак вопроса изогнулся.
Начал черту докладывать,
Вроде как отчет давать:
"В общем все, как на духу.
Про себя тебе скажу.
Служить Богу не люблю,
Так из выгоды терплю.
Без души ему молюсь
И для вида лишь крещусь.
Над людьми здесь власть моя,
Им одним я здесь судья.
Им грехи я отпускаю,
Дань за это с них взимаю,
А в награду могу дать
Свою ручку облобзать.
Подленький у нас народ.
Сам ведь знаешь – сущий сброд.
Норовит одно – украсть,
Дьявола бранит да власть.
Вроде все – ничто не скрыл,
Все ли ладно? Угодил?"
Черт все скушал, все допил,
Попа пальцем поманил:
Верный, видно, ты слуга,
Только завтра у тебя,
Чтоб как штык была душа".
По главам святым погладил,
За обед благодаря,
И печать свою поставил:
От души им пинкаря.
Все, исчез как не бывало,
Только легче им не стало,
Через час к обедне быть,
Как бездушному служить?
Тут попа вдруг осенило,
Мысль его ум посетила,
Принялась его учить,
Ум на разум наводить.
"Знаешь ты, иль где видал,
Кто бы душу не продал?"
Вот те на, поп догадался,

Подпоясался, собрался,
Высочил. Глядит – мужик
Под забором пьян лежит.
Смотрит – больше никого.
Поприличней бы кого!

Срока нет других искать,
Надо этого поднять.
Подошел, ногой толкнул:
"Эй, вставай, чего уснул?"
Мужик голову поднял,
Глаза пьяные продрал,
На попа наверх глядит,
Тот, как Бог, над ним стоит.
Не поймет иль сон, иль чудо?
Ангел сам? Но как? Откуда?
Видно, Бог его послал,
Грешну душу чтоб призвал.
Поп помялся, потоптался,
Взад, вперед поозирался,
Вдруг бутылку достает.
Мужiku ее сует:
"Хочешь выпить? Даю даром,
Ишь несет как перегаром".
Вот те на! Мужик дивится,
Как в раю мог очутиться?
Здесь не то, что на Земле,
Сразу с выпивкой ко мне.
Эко дело неземное,
Тут культурное, родное,
Верить ли своим глазам,
Небывалым чудесам?
Из бутылки отхлебнул,
Воздух грудью потянул:
"Во-о, где жизнь, я понимаю, -
Глазом ангелу мигнул, -
За компашку бы глотнул?"
Поп башкою замотал:
"Я на службе, понимаешь,
Я вот душу потерял.
Может, ты о ней что знаешь
Или что-нибудь слыхал?"
Мужик ахнул, рот разинул,
Ко лбу брови свои вскинул:
"Как же можешь ты, родной,
Без души ходить – пустой?"
Поп: Да, тут есть чему дивиться,
В снах такое не присниться,
Утром с ужасом узнал,
Что бездушным за ночь стал.
Битый час ее ищу,
Продай душу – уплачу".
Мужик: "Нечто это моя воля?
Рад помочь, но не азыщи.

Поп

Что же это мне за доля,
Одному пить – без души?"
"Посуди раскнь мозгами.
Ну зачем тебе душа?
Ты же трезвыми глазами
Не видал ее в глаза.
Мне ж по долгу – так обычно
Без души нельзя служить.
И смотреться долг – прилично.
С ней и Бога долг хвалить.
Выручай – в беде я, брат,
Не навечно, напрокат,
Может, и завтраму утру,
Я тебе ее верну".

Мужик:

"Раз такое вышло дело,
Забирай ее, брат, смело,
На, не жалко, одевай,
Мне ж важен бутылку дай.
Все бери, что есть со мной,
За родимой за душой".
С мужика поп душу снял,
Повертел ее, помял,
Как в свою в нее он влез,
Дал бутылку и исчез.

Только поп с душою скрылся,
Мужик сразу же взбодрился:
"Ну, родимая моя,
Дай-ка я приму тебя".
Пиджачек с себя он снял,
Тут же радышком постлал
Сел на нем он поудобней,
Ощутил себя свободней,
В башке в сердце тишина –
Нет души у мужика
"Как там душенька родная,
Жизнь идет твоя иная,
Славно б мы с тобой гульнули,
Полюбки бы отдохнули.
Жаль, что нет тебя со мной,
Ты же долг несешь святой.
Ну, я тоже за тебя,
Пропущу глоток в себя, -
Не спеши, он пробку снял,
По привычке поболтал,
Раз-другой с горла отпил,
Рукав, крякнув, закусил.

Вдруг, как будто наважденье,
Что за черт! – удовлетворенья
Он в себе не ощутил.
Как бы снова в подтвержденье
Грамм с полста еще вкусил.
Вот те на! – без измененья,
То же самое явление, -
Вроде пью, а без хотенья,
Ангел водку подменил.
Ну дела! В раю, знать, тоже
Облапошат, ну и рожа.
Этот ангел, как святоша,
Надоедливо гнусил –
Душу выпросил, -
На бутылку мужик глянул,
Повертел ее в руке, -
Водку, змей, водой разбавил,
Потому не пьется мне, -
Всю обнюхал, всю проверил,
Есть наклейка, дух родной, -
Кто узнал бы, не поверил,
Что мне пьется не с душой.
Кто я есть? Не тянет знать,
И на все мне наплевать,
Ни в груди, нигде не колет
И ничто не беспокоит,
Как бездушному легко,
Безразлично, все равно.
Без души, знать, сиротливо,
Окружение не мило,
Сколько помню, с детства пью.
Тут дожился – не люблю.
Может, к завтраму пройдет,
Ангел душу мне вернет?
Ну, здоровья тебе, брат,
От души тебе я рад.
Лишь тебе б она сгодилась,
На тебя бы потрудилась.
Все ж не зря я жизнь прожил,
Одному хоть услужил”.
Из горла еще глотнул,
Спать хотел, но вдруг уснул.

Поп тем временем примчался,
К службе в храм, сам запыхался.
Сразу к зеркалу – круть, верть,
Красавец – ну, обалдеть.
В злату ризу облачился,

Как бы в святость схоронился.
Возглас первый в храме дал,
Вот так службу он начал.
Только клиросы запели,
Час один еще не спели,
Попа что-то повело,
Как с тропинки в лес свело.
В ектеньях он стал сбиваться,
Неприлично выражаться,
Будто бы лукавый бес
В попа бедного залез.
Делал все ему назло,
В общем, службе не везло.
Он сначала не сдавался,
Ходил гордо, задавался,
Носом важно шевелил,
А потом вдруг взял – отбыл.
Момент выбрал помолился,
И со службы тихо смылся,
Чтоб никто не увидал,
Что он удочки смотал.
К мужику, как вихрь, примчался,
Раздул ноздри, запыхтел.
"Что ты дать мне, - он придрался, -
Морда пьяная, посмел?" –
Скинул душу, пнул ногою. –
"Чтоб тебя с твоей душою
Дьявол, нехристя, забрал,
Ох, как с нею я устал.
Вот тебе душа твоя,
Она хуже, чем моя.
Все не этак ей, не так,
Забери ее, дурак.
Не соврать и не слукавить,
Духом не дает ударить.
В мысль мою и то встревает,
Путает ее, сбивает,
Думать зло мне не дает,
Пусть к чертям ко всем идет.
Мою совесть подбивает,
На конфликт со мной толкает.
В общем, на ее, возьми.
Мне ж бутылку возверни".
Мужик тихо, неподвижно
Лежит, дышит ли – не слышно,
Как жену, бутылку обнял,
Сном, зная, праведным уж спал.
Поп с душою распростился,

Поп: Без нее в храм появился.
 "О, как стало хорошо,
 Не болит нигде, ничто.
 Сто пудов как будто снял,
 Легким, словно ангел стал.
 Служится легко, свободно,
 Независимо, удобно.
 Зря, дурак, ее искал,
 Разорялся, покупал,
 Время тратил, проводил,
 Бога, черта зря просил.
 Все они здесь хороши,
 Жить здесь лучше без души.

 Лишь одна душа осталась,
 Дом лежит ее пустой,
 Что еще ей оставалось
 Как остаться сиротой.
 Вся помятая, избита,
 Оскорбленная душа,
 Ничьим телом не прикрыта,
 Вся как есть обнажена.
 С радостью с земли поднялась,
 Хоть раздетая была.
 Душа: "Слава Богу, отвязалась,
 Я от этого попа.
 Что меня ты не встречаешь,
 Я вернулась вот опять,
 Вроде как не принимаешь
 Иль не хочешь меня знать?
 Я верна тебе осталась,
 Хоть и плоть могу сменить,
 Царство кесаря умчалось,
 Ему верною ли быть?" –
 Душа плоть свою обняла:
 Что лежишь? Вот я пришла, –
 Но она не сознавала,
 Без души та не смогла.
 Зарыдала, застонала
 Всеми брошена душа:
 "Ну зачем меня отдала,
 Как я буду жить одна?
 Знаю, мир тебе наскучил,
 Что ж бездушному отдал?
 Как он ложью меня мучил
 И как зло в меня плевал.
 Видишь, я теперь какая,
 Все ж была в плоти иной,

Но осталась же такая,
И не сделалась я злой".
Ляжет тело без движенья,
И не знает, что одна,
Познав мира искушенья,
К нему тянется душа.
Крутом стихло, потемнело,
Душа встала и пошла,
Волпощением болела,
В нем бы только ожила.
Лишь с надеждою, украдкой
Бредет голая душа,
Не была ее жизнь сладкой
И теперь обнажена.
Может, век бы так блуждала
В темноте одна душа,
Если б небо не послало
Свет душе издалека.
Видит вдруг она — избушка
Незнакомая стоит,
Рядом тихая речушка
В даль неведому бежит.
Странный свет как бы исходит,
Виден он — но не горит,
Душу в тайну словно вводит,
И к себе ее манит.
В лодочку душа ступила
И тихонько поплыла,
Тотчас прежнее забыла,
Лишь на брег другой сошла.
Подошла, насторожилась,
Робкий страх за душу взял,
Но тут дверь вдруг отворилась,
И свет блудницу объял.
С ним в одно соединилась,
Он не жег — но в ней горел,
Жизнь в ней, вспыхнув, заструилась,
Глас таинственный зашел.
Как струна, затрепетала
От волнения душа,
Поняла, кого искала,
Поняла, кого ждала.
Не вошла она — убежала.
Под собой не чуя ног,
Душ родных она узнала,
Кто ей встретить их помог?
На нее они похожи,
Будто сестры-близнецы,

Лицами светлы, пригожи
И душою хороши.
Отнеслись к ней с пониманьем,
Такой встречи не ждала.
Поняла, каким сияньем
К ним сюда приведена.
Душу в доме приютили,
Рады были от души,
Не ругали, не судили,
Понимали, что грешны.

Эпилог

Стоит дом тот к миру светом,
Душам страждущим приют,
Пониманье их Заветом
Стал для грешных душ он тут.
Одного там не хватает,
Одного там души ждуг,
Одного они желают,
Когда в мире их поймут...

ГИМН РОССИИ

Любовью свободной народы России
Навеки связала Великая Русь!
В ней нет угнетенных, в ней Братство и Воля,
Согласье и Счастье законами чтут!

Славься, Отечество! Славься, свободное!
Держава – Россия! Священная Русь!

В нас жажда Победы Добра торжествует,
За Правду святую, за Право и Честь!
Нам стал идеалом Божественный Разум,
В нас Вера, Надежда с Любовью живут!

Славься, Отечество! Славься, свободное!
Держава – Россия! Священная Русь!

Единство культур мы сплотим и построим
Из множества наций в Народность одну!
Освятит Сердца и Умы – Справедливость!
И Праведность Духа Россию спасет!

Славься, Отечество! Славься, свободное!
Держава – Россия! Священная Русь!

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ	3
ВСТРЕЧА	20
ЛЮБОПЫТСТВО	30
БЕСИДИАДА	37
МОЦАРТ И САЛЬЕРИ	45
ГЛАВНОЕ, ЧТОБЫ НЕ БЫЛО ДОЖДЯ	47
ЧАЛА	52
ВЫБОР	61
БАЛЛАДА О МЕССИИ	68
БАЛЛАДА О ВОЙНЕ	69
БАЛЛАДА О БЛУДНОМ СЫНЕ	71
"НЕЗНАКОМКА", ИЛИ БАЛЛАДА О ПОПУТЧИКЕ	72
БАЛЛАДА О ДРУЖБЕ	73
БАЛЛАДА О НЕВЕЗЕНИИ	73
НА БАЛ СВОБОДЫ	76
БАЛЛАДА О СОТВОРЕНИИ МИРА, или О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОЛА	77
ТАНЕЦ САЛОМЕИ	79
МЕЧТА О РАЕ	81
К ПРОРОКАМ	81
СОН ДУШИ	83
"ПЯТЬЮ РАСТОПЫРИЛАСЬ ПАЛЬЦАМИ..."	83
АПОКАЛИПСИС	84
ТРЕТИЙ РИМ	84
ПРАВОСЛАВНЫЙ ХРАМ	85
КОНИ	86
СУДЬБА	87
АНКЕТА	88
МОЙ АНГЕЛ	89
ЗВЕЗДА СВЕТЛАЯ И УТРЕННЯЯ	90
РАССКАЗ О ПОПЕ И НАРОДЕ, ИЛИ КАК ОТ ПОПА СБЕЖАЛА ДУША ...	126
ГИМН РОССИИ	139

БАКУШКИН Михаил Михайлович

ЗВЕЗДА СВЕТЛАЯ И УТРЕННЯЯ

Рассказы, стихи, баллады, роман в стихах

Художник Александр ПРОШКИН

Книга издана в авторской редакции

Подп. к печати 26.09.01. Объем 9 печ.л. Тираж 500 экз

Лицензия ИД № 01817 от 17.05. 2000

Отпечатана с готового оригинал-макета в типографии
издательства Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова
г. Абакан, пр. Ленина, 94

Михаил Бакушкин живет в Черногорске.
Публиковался в прессе, коллективных
сборниках. Автор книги "Смешные рассказы".

В новой книге представлены рассказы,
стихи, баллады и первая часть романа в
стихах "Звезда светлая и утренняя".